

ИВАР
РАВИ

ПРОМЕТЕЙ

ВЛАДЫКА
МОРЯ

16+

Прометей

Ивар Рави

Прометей: Владыка моря

«Автор»

2021

Рави И.

Прометей: Владыка моря / И. Рави — «Автор»,
2021 — (Прометей)

Максим Серов уже успел сделать многое: объединить племена, основать поселение, построить корабль и отразить многочисленные нападения врагов. С помощью своих друзей и соратников, Максим ведет свой народ Русов к цивилизации, внедряя все новые разработки и достижения. Получение стали и чугуна освоено, развивается сельское хозяйство и животноводство. Наш соотечественник космонавт сумел бежать из неандертальского плена и после долгих приключений, добраться до любящей семьи и преданного племени. Но поселению Плаж, основанному на пути миграции кроманьонцев из Африки в Европу, всегда будет угрожать опасность. И Макс принимает решение колонизировать острова, чтобы уберечь свою семью. В море, он натывается на тростниковую лодку, в которой находятся двое в бессознательном состоянии. Что за племена освоили кораблестроение, кто осмеливается бросить вызов Максиму Серову, владыке моря?

© Рави И., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1. Оглядываясь назад	5
Глава 2. Шестое чувство неандертальца	10
Глава 4. Санчо, ты космос	20
Глава 5. Алолихеп	25
Глава 6. Адмирал Макс Са	30
Глава 7. КипРус	35
Глава 8. Келадонхеп	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ивар Рави

Прометей: Владыка моря

Глава 1. Оглядываясь назад

Я со своим напарником Михаилом находился на борту международной космической станции на орбите Земли, когда мы пролетели сквозь непонятное свечение и оказались в другом временном пространстве. Михаил погиб, пытаясь починить повреждение, причиненное нам космическим мусором. Мне не оставалось другого выбора, кроме как приземлиться на ставшей чужой Земле. Альтернативой было умереть на станции от голода и обезвоживания.

На Землю я попал в аварийно-спасательной капсуле «Союз», приводнившись на море, и течение вынесло меня на берег, который позднее я определил как южный берег Турции. Мне удалось прихватить со станции запас продуктов, медикаментов и немного одежды. В связи с ограниченным пространством многие вещи пришлось оставить на станции.

Я начал понемногу обживать на новом месте, но угнетало отсутствие людей. И вот однажды я спас от рук дикарей-людоедов племени Канг троих подростков: Нел, Рага и Бара из племени Луома, уничтоженного более сильными неандертальцами. Нел стала моей женщиной, а ее братья – моими соплеменниками – Русами. Мы прожили на берегу бухты, куда течение принесло мою капсулу, два года. Потом, спасаясь от наступающего оледенения я принял решение плыть на плоту вдоль береговой линии, спускаясь к юго-востоку.

За время путешествия наше маленькое племя Русов пополнилось двумя девушками-подростками, которых я нарек Лоа и Моа. В дороге мы пережили столкновение с ужасным племенем каннибалов, состоявших только из мужчин, сумели их перебить и, наконец, нашли свою землю обетованную на территории будущего Ливана. В облюбованной нами бухте проживали бежавшие от каннибалов люди племени Гара (Лисицы).

Племя я взял под свое покровительство, и мы мирно уживались на протяжении нескольких лет. Меня называли Макс Са, что значит Дух Макс, и я пользовался абсолютной властью. За четыре года в нашем селении Плаж произошли значительные события. В состав племени Русов вначале влилось племя Уна (Кабаны), а вслед за ними и племя Чкара (Выдры). Шторм и течение принесли в бухту рыжеволосую красавицу Мию, ставшую моей второй женой и оказавшейся вождем матриархального племени Нига, его я также взял под своё покровительство.

Мы сажали ячмень и чечевицу, научились ковать железо и нашли свинец. Прелести бронзового века стали явью. В скотном дворе появилась живность, путем регулярных тренировок я сумел создать маленький, но хорошо обученный и экипированный отряд.

Во время засухи, случившейся к концу пятого года моего пребывания на этой планете, через обмелевшую реку Литани перешли толпы дикарей, мигрирующих с юга. Они предприняли спланированную ночную атаку, однако мы не только отбились, но и разгромили их. Преследуя остатки дикарей, мы прошли на юг около ста километров, взяли пленных и вернулись с триумфом.

В момент, когда нам казалось, что все проблемы позади, и я уже забыл про найденный шлем американского летчика по имени Чарльз Тейлор времен Второй мировой войны, в небе появился самолет конструкции тех времен и приземлился рядом с нами. Один из прилетевших на нём американцев умер от прободной язвы желудка, но двое других стали моими верными соратниками.

Мы пережили нашествие саранчи и огромной армии дикарей, почти захвативших Плаж. Преодолели все трудности, приручили верблюдов и создали дромадерскую кавалерию. Я вернулся с Тиландером, Баром и Маа в бухту, где прожил два года, чтобы отбуксировать капсулу

к месту нашего проживания. На охоте на нас напали дикари, Маа погиб сразу, я же потерял сознание от сильного удара по голове.

Мне пришлось стать членом племени неандертальцев, чтобы сохранить свою жизнь. Племя ушло на север и должно было вернуться на юг с наступлением холодов, но погибло от рук кроманьонцев, удалось спастись только мне и полукровке, которого я нарек именем Санчо. Оторвавшись от погони, мы вдоль реки добрались до Эгейского моря, потом до Дарданелл. Полученная мною в результате падения травма помешала нам идти дальше, и нам пришлось зимовать в пещере, куда внезапно вернулось давно облюбовавшее племя неандертальцев, среди которых оказалась и захваченная ими кроманьонка Ика. Пару месяцев спустя, пока я был на охоте, ее изнасиловал и убил вождь, чтобы спровоцировать меня на поединок.

Этого я не мог простить и одного за одним уничтожил маленькое неандертальское племя. Преодолев Дарданеллы на самодельном плоту, мы двинулись домой, уничтожая по пути встреченных неандертальцев. Несколько дней погостив в племени озерных Луома, скорее всего, являвшихся частью племени Нел, продолжили путь. Вскоре Санчо отравился, но могучий иммунитет неандертальца справился, и нам всего лишь несколько дней оставалось до Плажа, когда мы наткнулись на небольшое кроманьонское племя. Не окажись рядом мой приемный сын Бер с отрядом черного спецназа, мои приключения закончились бы на том морском берегу.

Возвращение домой получилось триумфальным: меня встречали всем Плажем, скандируя мое имя. Дома меня ждала семья: жены Нел и Миа, и рожденный Мией в мое отсутствие пятый ребенок названный Урром. С возвращением мое имя обрело дополнительную легенду. Любители подмечать всё необычное, дикари добавили к моему имени слово «Ра», что можно перевести как «бессмертный».

Теперь мое полное имя с учетом всех регалий звучало как Макс Са Дарб Канг-У Ра, что звучало для дикарей целым предложением: «Бессмертный Великий Дух Макс, исцеляющий людей и убийца людоедов». Именно так в начале Малого Императорского Совета и докладывал о моем приходе Бер, ставший не только командиром спецназа, но и начальником моей личной охраны.

Санчо сдружился с Рамом, тем не менее, не проходило дня, чтобы пару раз в день он не находил меня с неизменным вопросом: «Все хорошо, Макш?» Букву «С» в конце слова парню так и не удавалось выговорить, он привык к своему имени, но смешно произносил его «Саншо». Он тоже присутствовал на Малых советах, но в качестве устрашающего телохранителя. За восемь месяцев нахождения в Плаже на постоянной сытной и разнообразной кормежке неандерталец вытянулся и ростом практически сровнялся со мной и мог похвастаться метровыми плечами, даже Рам и Лар на его фоне казались дистрофиками.

Разногласия и недовольства, что проявились за время моего вынужденного отсутствия, ушли, но я сделал из этого верные выводы, прежде всего поддержав запрет Нел на свободное ношение оружия. Оружием на постоянной основе владели мои приближенные, американцы, члены моей семьи и личная охрана. Кроме того, оружие сохранила та часть регулярной армии, что несла охрану границ и несколько охотников. Остальным оно выдавалось по мере необходимости, для охоты или при выходе «Акулы» в море.

Неделю назад исполнилось семь лет, как я вступил на поверхность планеты. И неделю назад Тиландер закончил строительство второго корабля, практически вдвое превышавшего «Акулу» размерами. Пришлось долго ломать голову, придумывая название новому кораблю, но варианта лучше, чем «Варяг», я не придумал. «Варяг» сейчас проходил ходовые испытания. За основу тоже взяли идею драккара, но с некоторыми изменениями. Тиландер умудрился настелить палубу, создав таким образом две небольшие каюты и трюм, в котором отгородили место для отдыха матросов. Получился тридцативесельный драккар, но главную гордость американца составляла возвышавшаяся на двенадцать метров мачта с тремя парусами, словно на парусниках Средневековья.

Со временем Тиландер надеялся обучиться сам и обучить своих матросов обходиться без помощи весел. Уже пятый день он выводил «Варяг» в море, где по его команде матросы ставили и убирали паруса, пытаясь маневрировать. «Варяг» получился тихоходнее, его ширина достигала четырех метров при двадцати четырех в длину. Он мог взять на борт до сотни человек и рассматривался мной больше в качестве грузового судна. Для скоростных набегов на неведомые берега «Акула» походила лучше.

Но исследования средиземноморских берегов планировалось чуть позже: ближайшая задача – основание дублирующего поселения на Кипре, чтобы иметь возможность эвакуации при угрозе, которая отнюдь не мифическая: периодически из Форта появлялся гонец на верблюде, докладывая, что за рекой обнаружены немногочисленные отряды дикарей. Сто, двести и даже тысяча дикарей для нас не представляли проблемы. Другое дело – время их миграции, а оно, если не ошибаюсь, будет длиться тысячами лет.

Мы не можем прожить тысячу лет, прячась за стенами Плажа: если бы не ячмень, чечевица и рыба, то давно бы столкнулись с проблемой голода. Есть еще, конечно, домашний скот, но и его надолго не хватит. Постоянная охота привела к тому, что добыть животное стало проблемой, и даже моратории не в состоянии восстановить поголовье диких животных. Население Плажа растет, а значит, растет и потребность в еде. Рациона Русов изменился: они с удовольствием едят рыбу, супы из чечевицы, любят ячменные лепешки. Но уже шести полей под сельскохозяйственные культуры еле хватает, погреба понемногу начинают опустошаться.

Если перевезти часть племени на Кипр, а еще часть поселить в паре дней пути, образуя цепь поселений с возможностью прийти на помощь друг другу, проблема питания может исчезнуть.

В Плаже появилось очень много детей: месяц назад я поручил Зику провести перепись, результаты которой меня ошеломили. Одних детей до года аж семьдесят, а всего численность детей вместе с подростками – триста три. Еще двести двенадцать женщин и сто семьдесят один мужчина. Итого, почти семьсот душ населения, по меркам каменного века – это мегаполис типа Москвы.

Можно перевести сотню человек на Кипр, не считая членов моей семьи. Еще пару сотен расселить примерно там, где раньше стояла деревня племени Гара. Хотя, может стоит подумать о Родосе и итальянском «сапоге»? Родос мне очень нравился, как и Кипр, своим климатом и разнообразием флоры и фауны. А к Италии душа лежала всегда. Пока сделаю Кипр местом своей главной резиденции, окруженный со всех сторон морем остров недосыгаем для врага, какие бы полчища не мигрировали на запад. Родос тоже неприступен, чего не скажешь об Италии, легко проходимой со стороны Франции, на территории которой я еще семь лет назад сам видел костер с МКС. Думаю, там обитают неандертальцы, к которым симпатий я испытывал ещё меньше, чем к мигрирующим черным кроманьонцам.

– Макс Са, ты не кушаешь. Сидишь и смотришь на дверь, – Нел тронула меня за плечо, вырывая из дум.

– Я не голоден, Нел, но спасибо, ты у меня прелесть, – приобнял жену, легонько шлепнув по пятой точке. На Нел сейчас домотканая юбка, сшитая женщиной по имени Тук. Топ прикрывает грудь, самодельная ткань ценится очень дорого, и мало кто может себе ее позволить. Стихийный базарчик вырос, примыкая одним концом к крепостной стене. Налог торговцы платят натуральными продуктами, но такой обмен неравноценен, пора задуматься о вводе в оборот денег. Металла для этого хватало: у Лайтфута и Рама накопился запас слитков из сплава никеля и свинца. Осталось только продумать форму и размер монеток и можно запускать печатный станок.

Нел смахнула тряпкой несуществующие крошки: ячменная лепешка так и лежала нетронутой. С моим возвращением Нел снова отошла на второй план, оставаясь в моей тени. Но грех держать ее в домохозяйках: с моей подачи жена стала первым и самым главным учителем

в начальной школе, где вместе с ней Зик учил желающих читать, писать и простым арифметическим действиям. Основное время Зик уделял лечебным травам, в нашем дворце образовались целые снопы засушенных лекарственных трав. Когда у меня оставалось свободное время, я учил Зика готовить отвары, объясняя, против каких болезней и симптомов их использовать.

Больных и желающих выпить отвары приходило так много, что одно из помещений «школы», превратилось в мини-больницу, куда основательно перебрался и сам молодой лекарь. Пришлось даже сделать ему внушение, чтобы не готовил отвары всем подряд, а только по показаниям. Наиболее часто встречающиеся проблемы со здоровьем среди жителей Плажа – ушибы, переломы и производственные травмы. Несколько матросов размозжили пальцы, во время стройки «Варяга» двое сломали ногу, а еще один – руку. Дважды сам накладывал импровизированную шину, а в третий раз поручил Зику. Парень быстро усвоил, как достигается иммобилизация, и вполне успешно зафиксировал поврежденную ногу матроса.

Зик стал вторым адептом гигиены, после того как рассказал ему о бактериях и вирусах. Он долго не мог понять, как могут существовать организмы, невидимые глазу. Но когда до него «дошло», его параноидальное желание мыть свои руки и руки всех входящих в «больницу», выводило даже меня. За десять минут обеда парень мог раз пять спросить, все ли помыли руки.

Оглядываясь назад, с высоты прожитых на этой Земле семи лет, вынужден признать, что только счастливая случайность или небесное благоволение позволило мне выживать всё это время. Поначалу беспечность могла стоить жизни мне и моей семье. А неблагоприятная охота, когда, взяв с собой всего лишь одного Маа, я попал в плен к неандертальцам, могла разрушить все, что я создавал на протяжении шести лет. Задержись я в плену еще на полгода, возможно, застал бы на месте Плажа пепелище. Остатки Русов разбрелись бы по близлежащим территориям, быстро забывая все, что я прививал им годами.

Едва вступив на Землю, я столкнулся с проблемами, казавшимися в то время серьезными. Помню, как сетовал на книжных попаданцев, мастеров на все руки, которым «рояли» выпадали каждую минуту. Но сейчас, оглянувшись на пройденный этап, вынужден признать, что мне повезло не меньше. У меня в распоряжении оказалась целая МКС, вместо того чтобы убиваться горем после смерти Михаила, мне следовало бы к сборам подойти тщательнее. Течение вынесло меня в бухту практически неприступную с трех сторон, за хребтом оказалась соль, в горной гряде обнаружилась пещера с ледником. Одних этих подарков судьбы уже более чем достаточно, но Небо или скорее Бермудский треугольник, послало мне еще и американцев.

Лайтфут оказался ценнее золота: потомственный металлург и кузнец. Именно благодаря ему у нас появились: доменная печь, горн, печь для коксования, кираса и качественное холодное оружие, и это не считая топоров, лопат, пил и ножей. Уильям действительно стал счастливым лотерейным билетом, который я вытащил, даже не представляя его ценности.

Не менее ценным «роялем» оказался и матрос Тиландер, умеющий обращаться с парусами и строить баркасы: «Акула», а теперь и «Варяг», маневрировавший парусами неподалеку в море, подтверждали это.

После моего возвращения, когда стих ажиотаж, Герман явился с повинной. Он, краснея и опустив голову, признал, что первую погоню свернул преждевременно, убежденный в моей смерти. И вторую погоню организовал скорее под натиском недовольных Русов. Что я мог ему сказать? Что я совсем не держу зла? Ведь продолжи они тогда погоню, я не потерял бы шесть месяцев вдали от дома, многократно рискуя жизнью. Но, вспомнив, как Тиландер рисковал жизнью и подставился под стрелу, спасая Нел, не мог не простить этого добродушного и немного хмурого американца.

– Герман, все это в прошлом, у русских есть поговорка: кто прошлое помянет, тому глаз долой. Просто помни, мы, русские, никогда не сдаемся и никогда не прекращаем погони или поисков, пока не получим неопровержимых доказательств. А когда получаем их, то мстим. И мстим так, чтобы другим неповадно было. А так как ты теперь Рус, как и все мы здесь,

давай придерживаться таких правил. Мы не отступаем, не сдаемся и за кровь близких людей заставляем врага заплатить кровью.

– Я понял, этого больше не повторится. Вы, наверное, и в самом деле бессмертный, потому что выжить и вернуться из плена людоедов, такое даже в книгах не встречал, – Тиландер приложил руку к виску: – Разрешите идти, сэр!

– Вольно, матрос 1-го класса Тиландер, и спасибо, что спасли мою жену.

– Это был мой долг перед вами, – американец улыбнулся краешком рта. После ухода моряка я окончательно простил его в своей душе.

Это произошло восемь месяцев назад, а сейчас достроенный «Варяг» проходил испытания в море. На него я установлю крупнокалиберный пулемет и несколько баллист. Пусть я не стану пиратом Карибского бассейна и не смогу захватывать корабли противника, так как их еще нет в помине, но стану владыкой моря.

«Владыка моря» вслух произнес словосочетание, словно пробуя на вкус. А ничего так звучит, мне нравится!

Глава 2. Шестое чувство неандертальца

Прошло почти около месяца, прежде чем явился преисполненный гордости Тиландер и предложил небольшую морскую прогулку на стоящем у причала «Варяге». Я предложил Нел сопровождать меня в эту небольшую прогулку, на что та радостно согласилась и бросилась переодеваться, выбирая из двух юбок. Кроме Нел со мной отправился Бер, теперь не оставлявший меня одного, и Санчо, который прослышал про мое желание выйти в море и уже сторожил меня у причала.

– Макш, не ходить, плохо, – даже спустя восемь месяцев проживания в Плаже, Санчо не научился свободно говорить. Его фразы состояли из одиночных слов, чаще всего – существительных и глаголов.

– Все нормально, Санчо, мы с тобой на паре бревен Дарданеллы пересекли, что может быть опасного на большом корабле? – отмахнулся я от неандертальца.

Но тот не собирался отступать, стальная клешня схватила меня за запястье, едва не заставив вскрикнуть от боли.

– Га (я чувствую опасность), – неандерталец смотрел спокойно, но твердо.

– Ха (все нормально, здесь безопасно), – но Санчо мой ответ не удовлетворил.

– Га (опасно, очень опасно), – неандерталец едва не рычал, стараясь донести до меня мысль, что выход в море приведет к катастрофе, и я сдался. Сдался, вспомнив, как часто чутье Санчо спасало нас от гибели, сдался, припоминая льва, уступившего мысленному воздействию неандертальца.

– Герман, отложим поездку, Санчо нервничает и переживает, он чувствует опасность.

– Судно надежное, может не стоит придавать значения словам и чувствам дикаря. И море очень спокойное, ветерок нас резво погонит в открытое море, где мы сможем в полной мере насладиться скоростью, – американец не настаивал, но слова его казались разумными. Я чуть было не наплевал на все страхи Санчо, но, вспомнив, что обещал себе быть предусмотрительнее, все же отказался от морской прогулки, чем вызвал досаду у Нел, которая с неприкрытой неприязнью смотрела на неандертальца, понимая, что именно к нему я решил прислушаться. Но выказать открытое недовольство побоялась, помня о моей привязанности к Санчо.

Переговорив пару минут с Тиландером и отложив прогулку на день, решил навестить Рама и Лайтфута. К моему удивлению, Бер тоже серьезно отнесся к словам Санчо. Как и следует заправскому телохранителю, он даже обыскал корабль на предмет возможной опасности. Ничего не найдя, все равно оставался настороже, держась возле меня в шаге, в полной готовности реагировать на угрозы. Вчетвером мы дошли до кузни, где орудовали Рам и Лайтфут, радостно приветствовавшие нас издалека.

В последнее время кузнецы больше работали над орудиями труда: мотыги, лопаты, топоры. Они выковали железный клин, и теперь соха стала не одноразовой, а нормальной, с металлическим ножом, что заметно ускорило вспахивание земли, облегчив труд пахарей.

– Здравствуйте, сэра, – приветствовал меня Лайтфут, вытирая грязные руки куском кожи.

– Макс Са, – это Рам показывает свою радость и почтительность. Будучи по природе немногословным, он даже улыбался крайне редко. Для него не существовало авторитетов кроме меня. Правда, женившись, полукровка стал немного мягче и не таким грубым как раньше. Женщина и в каменном веке лепила из мужчины как из воска, если у нее имелась голова на плечах.

– И вам доброго дня, кузнецы Плажа, – немного витиевато ответил я на приветствие и, не дожидаясь обмена любезностями, продолжил, – Уильям, как ты относишься к идее, что мы начнем чеканить свою монету?

– Монету? В смысле, деньги, сэр? – Лайтфут разинул рот от удивления.

– Да, деньги. Из сплава никеля и свинца, чтобы было и достаточно пластично, и в то же время твердо. Думаю, нам хватит монет нескольких номиналов. Что скажешь?

– Не знаю, не думал об этом. Здесь разве нужны деньги, если все меняется и практически полное обеспечение на государственном уровне? – американец даже развел руками, дескать, зачем деньги, если все и так халява.

– Мы сейчас в первобытно-общинном строе, но пора переходить на следующую ступень. История всегда развивается по одному сценарию, и нам не избежать пути становления государства, переходя все эти формации, – я даже сам немного запутался от столь сложного объяснения. Но Лайтфут понял:

– Вы хотите ввести товарно-денежные отношения, чтобы умные и предприимчивые поднялись наверх и составили ваше дворянство?

– Примерно так. Кроме того, производить расчёт за работу деньгами удобнее. Лесоруб, углежог или рыбак сам решит, где и на что потратить деньги, – на миг перед глазами встало видение, как несчастные рабочие пропивают кровно заработанные в кабаке. «Нет, кабаков здесь не будет», – я мотнул головой, прогоняя видение.

– Вам плохо, сэр? – Лайтфут сделал пару шагов навстречу, но я успокоил его:

– Нет, все нормально, просто слегка задумался, – видя, что американец ждет от меня пояснений или инструкций, разъяснил. – Я принесу тебе образцы монет, а ты подумай над материалом, из которого можно будет приготовить пресс-формы для каждого номинала. Так как у нас есть разные металлы, и сами деньги в большом количестве нам не нужны, можно будет использовать свинец, медь и никель для монет разного достоинства.

– Хорошо, сэр, я что-нибудь придумаю, – пробормотал все еще ошеломленный американец, а затем добавил, – видел бы меня сейчас отец.

– А при чем здесь он? – не смог удержаться от вопроса, глядя на Лайтфута.

– Я в пятом классе пытался отлить долларовую монету, отец поймал меня за этим занятием и выпорол. Сказал, что, если я еще раз попробую такое сделать, он явится с того света и отрежет мне пальцы, – я расхохотался.

– Уильям, в этот мир вряд ли попасть с того света или из нашего мира, так что твоим пальцам ничего не грозит. Можешь успокоиться и не волноваться, ты будешь отливать монеты установленного государственного образца. Просто подумай насчет соотношения металлов в сплавах, чтобы наши дикари могли легко понимать ценность каждого номинала, даже не умея считать.

– Хорошо, сэр. Может, зайдете, Гу хорошо готовит, – пригласил Лайтфут, видя, что я собираюсь уходить.

– Нет, спасибо, пойду проведу животных, – отказался я от приглашения и зашагал в сторону скотного двора, но Санчо вновь преградил мне дорогу:

– Макш, плохо, домой, – мне трудно было понимать Санчо на русском. Спросил его на родном для него языке:

– Га (опять опасность)?

– Ха (да, и очень близко, прямо сейчас).

– Ха (хорошо, что предлагаешь)?

– Ал (укрыться, спрятаться), – стоп, слово «Ал» до этого Санчо произносил всего один раз, когда по пути домой мы попали под снежную метель. Я помню, что и тогда он настойчиво предлагал спрятаться, но я ослушался и чуть не лишился яиц из-за внезапной жестокой метели.

– Ха (пошли домой), – на это неандерталец не возражал, лишь тревожно вглядывался в голубое безоблачное небо. Мы направились во дворец и когда достигли стены (а до дома оставалось всего сто метров) внезапно поднялся свирепый ветер. Вот только что стоял штиль и в мгновение ока ветер обрушился на нас с силой урагана. Небо заволокло тучами, из-за тонн

песка, поднятого ветром, видимость упала практически до нуля. Ветер налетел с такой силой, что Нел сбило с ног, и я еле успел схватить ее за руку.

Что-то стальное обхватило меня вокруг пояса, поднимая в воздух. Нел, чью руку я не выпускал, также на миг оторвалась от земли. Могучий и широкоплечий Санчо двигался к дворцу спиной, укрывая меня от порывов ветра и песка. Нел плелась за нами, частично прикрытая нашими фигурами. Видимость составляла на более метра, но Санчо не ошибся и доставил нас к входной двери, втокнул внутрь, а сам застыл на пороге, прикрывая от потоков песка, что швырял этот внезапный ураган. Бер проскользнул у него между ног и ввалился внутрь, отплеывая песок. Миа и дети находились дома, она как раз посадила всех кормить. Но как же остальные Русы? Этот ветер такой силы, что детей унесет по воздуху очень далеко. Даже может и в открытое море. С улицы слышалось завывание ветра, его сила нарастала, несколько раз мне показалось, что я слышу человеческие крики, но выйти и помочь им было не в моих силах.

– Санчо, не стой в дверях, – я потянул неандертальца внутрь, через образовавшийся просвет в лицо швырнуло песок. – Гигант снова замер в дверном проеме, практически полностью его закрывая. Мои дети были напуганы свирепым воем стихии: шкуры с окон сорвало, и песок горстями заносило внутрь. Прислонившись к простенку, мы молча стояли, вслушиваясь в звуки бури. Порой казалось, что они стихают, но через секунду завывание усиливалось. А потом внезапно все прекратилось, и наступила абсолютная тишина, прерываемая лишь скрипом песка на зубах. На мгновение мне даже показалось, что я потерял слух, настолько ухо привыкло к вою ветра.

– Ха (опасности нет, все хорошо), – Санчо отодвинулся в сторону, открывая вид на двор, где воздух посерел от медленно оседавшей пыли. Я подошел к проему и закашлялся: весь воздух настолько пропитался пылью, что казалось, словно ешь ее горстями. Лишь спустя минут двадцать снаружи окончательно прояснилось: солнечные лучи показались из-за расходящихся туч и облаков.

Следовало прояснить ситуацию, ведь не все жители имели столь крепкое жилище, как я. Стоило выйти во двор, как стали видны первые признаки произошедшей катастрофы. Две пальмы сломало ветром: верхушку одной отнесло к дальней стене, где ее дальше не пустил частокол. Вторую с корнями вывернуло из земли. Оставшиеся пальмы лишились почти всех перистых листьев и выглядели словно девушка, застуканная во время принятия душа: стыдливо и сиротливо.

Обе створки ворот, ведущих во двор, сорвало с петель. За стеной сломано еще около десятка пальм, которые я не давал рубить и берёг как зеницу ока. Одна створка ворот застряла в группе пальм неподалеку, вторая нашлась аж в двухстах метрах. Это какой силы был ветер, если учесть, что одну створку ворот с большим трудом несли вшестером. Хижина Нига стояли с южной стороны дворца и ближе всех к нему. Ветер налетел с севера, дворец, и стена частично прикрыли: только две хижины получили серьезные разрушения.

Жилища Уна и Гара пострадали практически все: у большинства отсутствовало покрытие из шкур и листьев пальм, с десятков вообще полностью разрушились, не выдержав урагана. Отовсюду, охая и ахая, появлялись люди. Первый труп женщины из черных я увидел недалеко от места, где еще утром висел гонг, теперь исчезнувший, а саму вековую пальму вырвало с корнями и обрушило на хижину, убив женщину. Ее муж и двухлетний ребенок не пострадали, но трагедия ошеломила их. Приободрив вдовца, я направился к побережью, опасаясь за целостность корабля и металлургических объектов.

Домна, горн и печь устояли, чего нельзя сказать о хижинах Лайтфута и Рама. Шкуры с них посыпало, местами вывалились колья, образующие остов хижины.

Но, как я и боялся, больше всего бед ураган причинил хижинам племени Выдр: только одна из тридцати выдержала ветер – хижина американца, построенная им после свадьбы. Все остальные попросту разметало. Ветер, не встречая препятствий рельефа, здесь разгулялся во

всю мощь. На корабль я бросил всего один взгляд – стоит, пришвартованный к причалу, значит все в порядке. Люди бродили между разбросанными кольями, собирая свой нехитрый уцелевший скарб.

Наа и Тиландер поспешили мне навстречу, на лице старого вождя было написано такое отчаяние, что мне даже стало его жалко. Тиландер на правах зятя уступил слово тестю, сразу начавшего с причитаний:

– Макс Са, Макс Са, ничего не осталось, мы лишились хижин, мы все умрем с голоду. Сеть унесло, кемы (лодки) угнало в Соленую воду.

– Наа, успокойся, никто не умрет с голоду, я вам помогу, – не давая старому вождю благодарить себя, спросил у Тиландера:

– Жертвы есть?

– Пока знаем, что двоих детей унесло ветром. И одну женщину скинуло в море, спасти ее не удалось. Точнее скажу после полной проверки.

– Хорошо, Герман, я боялся, что жертв будет намного больше, – я уже повернулся, чтобы направиться в основной поселок, оценить ситуацию с пострадавшими, когда меня остановил голос американца.

– Сэр, корабль.

– Что с «Акулой»? – я похолодел, подходя к причалу, видел «Варяг», а вот «Акулы» не заметил.

– С «Акулой» все в порядке, я вчера вытащил ее на берег, чтобы почистить дно от ракушек и водорослей. Корабль немного занесло песком, но ничего не случилось. Я говорю про «Варяга».

Я оглянулся: корабль стоял у причала в сорока метрах от нас, мачта на месте, свернутые на нее паруса на первый взгляд не пострадали.

– «Варяг» стоит, с ним вроде тоже порядок? – я не понимал волнения американца.

– Нет, сэр. Как ветер утих, я первым делом осмотрел корабль и спустился в трюм. Сила ветра была такой, что, несмотря на швартовы и якорь, корабль так прибило к причалу, что треснул один шпангоут и две доски наружной обшивки ниже ватерлинии, в трюме вода.

– Говори яснее, Герман, – силюсь, чтобы не накричать на американца. Даже мне, сухопутной крысе, слова «в трюме вода» говорят о многом. Прежде всего, о том, что переезд на Кипр придется отложить.

– Мне придется заменить шпангоут и часть обшивки, – Тиландер старается не смотреть мне в глаза.

– Так замени, подумаешь проблема, заменить пару досок, работа на несколько дней.

– Макс, – Тиландер крайне редко обращался ко мне по имени, – это не так. Придется вытащить судно из воды, почти полностью снять обшивку с поврежденной стороны, заменить шпангоут и снова собрать борт. Потом несколько раз его просмолить. Но главная задержка не в этом. У нас нет готовых шпангоутов и досок для обшивки. Сделать шпангоут и доски можно за неделю, но минимум месяц их придется сушить, прежде чем приступить к ремонту. С учетом наших возможностей и моих требований к качеству, я прошу два месяца.

Я лихорадочно думаю, случившееся нарушает все планы. У меня сложился четкий алгоритм предстоящих действий: перевезти семью и часть людей на Кипр, обустроить их там, направиться в морскую разведку к берегам Египта и вообще исследовать берега Средиземного моря. Два месяца, конечно, не критично, но все же лучше дать немного меньший срок, чтобы Тиландер торопился. С другой стороны, поспешив, он может что-то упустить, а это упущенное вылезет боком в самый неподходящий момент.

– Хорошо, два месяца. Бери рабочих сколько потребуется и любое количество инструментов, – уже отойдя на десять шагов, не выслушивая благодарностей американца, резко оста-

навливаюсь. – Герман, выйди мы в море как планировали, на каком расстоянии от берега оказались бы в момент урагана?

– Думаю, в милях десяти от берега, если бы держали прямой курс.

– Скажи мне, – я приблизился к американцу, – окажись мы в открытом море в момент урагана, каковы были наши шансы, что «Варяг» выдержал бы этот ураган и волны?

– Я размышлял над этим, сэр, – американец даже икнул от волнения, – матросы еще нерасторопны, а учитывая, как внезапно начался ураган, мы не успели бы убрать паруса.

– И? – я подстегнул Тиландера.

– Три варианта: судно могло опрокинуться из-за гигантских волн в борт и бокового ветра, нас могло разбить о рифы, ибо я знаю лишь часть фарватера. И третий вариант: нас могло даже скинуть за борт, потому что лееров на «Варяге» нет, а часть такелажа еще не установлена.

– Мы все обязаны жизнью Санчо, он инстинктивно почувствовал опасность. Этот дикарь, как ты выразился, Герман, спас и твою жизнь, – Тиландер дернулся от моих слов, словно почувствовал пощечину. Покраснев, он подошел к неандертальцу и благодарно протянул ему руку.

– Спасибо тебе, Санчо! – от ответного рукопожатия неандертальца Тиландер охнул и принялся растирать онемевшие пальцы.

– Герман, приступай к ремонту и доложи мне чрез час о потерях, – я повернулся и зашагал к основным хижинам, сопровождаемый Бером и Санчо.

Следы разрушений виднелись повсюду: местами песок и пыль, устилавшие пространство между пальмами, сдуло полностью, обнажив твердую как скалу землю. Люди, не теряя времени без криков и причитаний восстанавливали свои хижины. Показался Зик, успевший проверить целостность школы и «больницы», размещенных в одном здании. Бревенчатое строение не пострадало, как и моя банька, построенная ближе к ручью. Мы даже умудрились углубить дно в одном месте, превратив его в бассейн для ныряния. В обычные дни там плескалась молодежь, которая с грехом пополам училась плавать.

– Зик, обойди все поселение вместе с отцом и составь мне подробный доклад о потерях, – парень кивнул, как заправский референт, и побежал выполнять поручение. Увидев, что ко мне спешит Лар, вспомнил, что следует ему поручить проверить дозоры и послать гонца в Форт, чтобы узнать ситуацию там. Лар заграбастал меня в объятия, радуясь, что я не пострадал во время урагана. Он знал про предстоящую прогулку на «Варяге» и боялся, что мы все утонули. Радость этого увальня была так искренна и велика, что я на минуту даже забыл про катастрофические разрушения. Глава 3. Династические нюансы

Почти несколько часов понадобилось Зику, чтобы вместе со своим отцом, старостой Хадом, обойти все поселение и составить полную картину потерь и разрушений. Когда они явились для отчета, я как раз сидел над листком самодельного папируса, стараясь нарисовать аверс и реверс будущих денег. Надо было еще придумать название деньгам, наверняка русские «копейки» и «рубли» дикари не смогут выговорить.

Доклад вышел коротким, но достаточно неприятным, хотя внутренне я приготовился к жертвам и разрушениям. Погибло восемь человек, из них пятеро детей. Трупы троих так и не смогли найти, вероятно, ветер унес их в сторону моря. Одну погибшую женщину я видел своими глазами, еще двое погибли, не успев спрятаться и оказавшись на открытом пространстве. Ветер с такой силой обрушился на них, что одну из них пронзило колом от разрушенной хижины, а вторая просто задохнулась в песке и пыли, не найдя укрытия.

разрушений: три четверти хижин пострадали частично, почти четверть – Очень много полностью. Животные уцелели: при первых порывах ветра они просто сбились в кучу и так переждали непогоду. Ячменные и чечевичные поля, где проклюнулись и пошли в рост озимые, засыпало песком и пылью, но в этом нет ничего страшного. Сами поля разбиты на продуваемом месте, и через пару дней ветерок просто выметет излишки песка с полей.

– Хад, сколько у нас выделанных шкур на складах и какова ситуация с запасами еды? Выдры говорили, что их сети унесло, какое-то время нам придется обходиться без рыбы.

– Шкур много, Макс Са, сушеного мяса и рыбы тоже два почти полных погреба.

– Зик, возьми десяток воинов у Лара и начните раздавать по две шкуры наиболее сильно пострадавшим хижинам. Тем, где разрушения неполные, будешь давать по одной шкуре. Завтра к вечеру все хижины должны быть восстановлены. А ты, Хад, – будешь отпускать немного рыбы и мяса на каждую хижину. Но сам не ходи по поселению, пусть приходят к тебе на склад те, кто остался без запасов еды.

Я замолчал, обдумывая наше положение. Срочно требовалось пополнить припасы, потому что рыба снимала все проблемы с едой, но как ее ловить, пока нет новых сетей? Сейчас уже весна, со дня на день должны появиться киты для брачных игр. Но они могли приплыть и завтра и через пару недель. А мне кормить около семисот душ. Если перейти на чечевицу и ячмень, за две недели мы прикончим все запасы. И хотя весной мне претила охота, которая мешала расти численности животных, другого входа не оставалось.

– Бер, пошли человека за Тиландером, пусть срочно придет сюда, – мальчишка кивнул и исчез в дверном проеме. Придется организовать вылазку за Зи, которые обычно паслись на мелководье парой километров севернее поселения. Этим морских коров я берег, запрещая на них охотиться, чтобы под боком сохранялся неприкосновенный запас из морских животных, способных выручить нас в трудную минуту. И эта трудная минута настала. Проблема в том, что пока доплывёшь на лодках или плотках с тушей животного до бухты, акулы нанесут колоссальный ущерб. Поэтому решил узнать у американца, как быстро он может спустить «Акулу» на воду, чтобы прямо с драккара поохотиться на Зи.

Пока ожидал Тиландера, снова принялся за рисунок монеты. На аверсе решил разместить цифры, обозначающие номинал монеты и слово «Россия», выполненное полукругом. На реверсе стоило разместить герб, а его-то я до сих пор не придумал. После некоторого раздумья решил изобразить силуэт вставшего на задние лапы медведя с оскаленной мордой. Ничего нового в этом нет, но с моими возможностями рисовать сложные геральдические узоры рановато. Значит, решено, гербом России станет силуэт медведя в угрожающей позе, на голове медведя – корона, а задними лапами он пусть стоит на скрещенных мечах.

Если есть герб, должен быть и флаг. Вот здесь я выпал в осадок. До сих пор не смог найти стойких красителей, чтобы ткань не линяла. Хотя... с флагом можно повременить, пока не найду красители. Правда весь герб на монете разместить трудно, но можно обойтись и головой медведя с оскаленной пастью. Обычно правители изображали на реверсе себя, но я уже перегорел этой «звездной болезнью». Теперь по номиналу: здесь вопросов в принципе нет. В СССР существовала универсальная система хождения мелочи, просто экстраполирую ее на свою ситуацию. Монеты будут номиналом в 1, 2, 5, и 10 единиц. Звать их копейками не вариант, пусть будет простое и короткое название, например, «шей». Буква «Ш» выговаривалась дикарями четко, как и «Й». Мелочь начеканим из сплава свинца и меди, достоинство монеты обозначим арабскими цифрами.

Крупные монеты номиналом 1, 5, 10 сделаем из сплава никеля и свинца и назовем «бат», что тоже легко произносится. Номинал крупных монет обозначим римскими цифрами, это поможет разобраться в стоимости даже неграмотным дикарям. Со временем, если найдется золото, можно сделать золотые монеты, назвать их «дош» и приравнять один золотой к двадцати батам. В свою очередь, один никелевый бат равен двадцати медным шей. Простая и легкая система денежного исчисления, требующая знания нескольких цифр, наличия всех пальцев на руках и ногах, и простых арифметических действий.

От идеи рисования и обдумывания будущей денежной реформы меня отвлек появившийся в дверях Тиландер.

– Вызывали, сэр?

– Да, проходи и садись, – я убрал листочек с рисунками. – Герман, сколько времени потребуется, чтобы спустить «Акулу» на воду? После урагана сети пропали, а народу около семисот человек, мы долго не протянем на ячмене и чечевице. И домашних животных у нас мало, чтобы за их счет прокормить такое количество едоков.

– Если не очищать дно и сразу приняться за работу, мне хватит нескольких часов, чтобы приготовить «Акулу», – американец посмотрел на меня и, не дождавшись вопроса, продолжил. – Одну сторону мы уже отскоблили, а если продолжим, то послезавтра утром можно выйти в море.

– Один день ситуацию не испортит, все равно Хад сегодня и завтра будет раздавать сушеное мясо и рыбу, а второй раз вытаскивать драккар на берег и чистить – займет куда больше времени, – Тиландер не перебивал, только кивал в ответ на мои слова.

– Значит, Герман, займись очисткой, чтобы послезавтра утром мы могли поохотиться на морских коров, – подытожил я разговор. От чая он отказался, сославшись на большой объем работ, и ушел, пообещав, что через день драккар будет готов к выходу в море.

Нел принесла еду, и вскоре к нам присоединилась Миа: не успели приступить к трапезе, как появились дети, и мой перекус перешел в семейный обед с шутками, детскими криками и соперничеством двух жен за мое внимание. Миа изменилась после вторых родов, стала немного серьезнее и более хозяйственной. Рождение Урра пробудило в ней материнский инстинкт, теперь она готовила еду не реже, чем Нел. Нел, наоборот, стала больше участвовать в общественных делах. У нее было два класса учеников и еще один класс вел Зик. Обучение в школе сводилось к изучению алфавита, чтению, письму и простым арифметическим действиям.

Больше знаний нет и у самих учителей. Я попросил их запоминать тех, кто все быстро усваивает и выделяется среди сверстников умом и желанием развиваться. Из таких в дальнейшем сформирую будущих учителей, врачей, специалистов по разным профилям. Мои сыновья Миха и Мал пока не учились: Михе только шел пятый год, а Мал еще на год младше. Из старшего должен получиться образованный человек, насчет Мала сомневался: слишком наглым и агрессивным рос мальчишка. Цвет его волос все больше и больше приобретал золотисто-красный оттенок, а характером он напоминал мать на все сто: своевольный, капризный, требующий все внимание на себя.

Анне и Алле исполнилось по два года, дочки тихие, все в Нел. Они постоянно возились с самодельными деревянными игрушками, вырезанными для них Тиландером. Самый младший, Урр, которому через месяц исполнится год, только научился ходить. Обычно дети-корманьонцы ходить начинают с шести месяцев, а в год уже резво бегают. Но Урр рос очень крупным и в годовалом возрасте размерами превосходил двухлетних близняшек. Если он такими темпами будет набирать рост и вес, то, пожалуй, у Русов появится свой человек-гора.

Нел и Миа быстро убрали со стола и стали шушукаться в углу, оглядываясь на меня через плечо.

– Что вы там замыслили? Идите сюда, – позвал я своих жен. Обе приблизились, Миа еле сдерживала смех, в то время как Нел оставалась серьезна.

– Говорите, что случилось, – потребовал я с напускной суровостью.

– Приходила Зео, – начала Нел, оглядываясь на Мию, словно ища поддержки, – просила меня и Мию, чтобы мы ей разрешили провести с тобой ночь. – Нел стушевалась под моим взглядом, имя мне показалось знакомым, но я не мог вспомнить девушку с таким именем.

– Она из черных? – на мой вопрос обе отрицательно помотали головой, я ожидал ответа от Нел, но услышал его от Мии:

– Из Нига, это та девушка, которой ты не дал уйти на Поля Вечной охоты, когда она свалилась в Соленую Воду.

После этих слов я вспомнил спасенную девчужку, ее страстные взгляды и пару раз высказанное желание быть моей женой.

– Она не нашла себе мужчину?

– Нет, никто даже не смеет к ней приближаться, потому что Зео всем говорит, что она будущая женщина Великого Духа Макс Са, – почти хором ответили обе жены.

– А что вы думаете по этому поводу? – я не собирался жениться в третий раз, но интересно узнать мнение жен. Хотя, надо признать, упорство этой девушки достойно вознаграждения. Сколько лет прошло с момента ее спасения? Около четырех лет, уж точно больше трех. И все это время она не оставляет мысли выйти за меня замуж.

– Я не против, если Макс Са ее возьмет, – Нел ответила спокойно и, не дождавшись моей реакции, продолжила. – Великий Дух может иметь столько жен, сколько захочет. И все его дети – все равно наши дети, дети Русов, – вот чертовка, язык-то подвешенный стал, как ловко намекнула, что к детям вообще особенное отношение.

– А ты? – я перевел взгляд на Мию.

– Она Нига, – просто ответила рыжеволосая бестия, давая понять, что могла бы быть против другой, но соплеменница ее устраивает.

– И где мы все разместимся, если я соглашусь? – вопрос риторический, во дворце могли разместиться еще десяток жен. Это несмотря на то, что после злосчастного урагана Нел, пораженная способностью Санчо предугадывать опасность, настояла, чтобы я перевел его жить во дворец. Сегодня неандерталец занял дальнюю комнату рядом с комнатой охраны. Я позволил ему сходить к Раму, чтобы забрать свою шкуру-постель и каменный топор, оставшийся у кузнеца. Санчо категорически отказался от железного топора, который ему сразу после нашего возвращения изготовил Рам.

– Позвать ее? – встрепелась Миа, расценив мой вопрос за согласие.

– Не надо, хватит с меня вас двоих, иногда я ночью просто хочу отдохнуть, – мрачно парировал я, недовольный тем, что девушка по-прежнему не отказалась от своей идеи. В конце концов, я не бык-производитель, посланный сюда, чтобы улучшить генофонд планеты. Бывали такие ночи, когда я просто мечтал отоспаться. Но, чтобы не обидеть никого из двух жен, терпеливо принимался за «работу». Все хорошо, когда в меру, народ русский не зря придумывал пословицы и поговорки – это вековая мудрость, основанная на бесценном опыте.

– Макс Са, – робко позвала меня Нел, немного напуганная моим тоном, – может просто возьмешь ее на несколько ночей? Она хочет ребенка от тебя, – остаток фразы Нел договорила еле слышно.

– Просто ребенка? От меня?

– Да, – в унисон ответили Миа и Нел.

– Вы понимаете, о чем вы просите? Хотя представляете, что вы сами себе мину подкладываете? – я даже встал и начал нервно ходить по комнате. – Я не вечен, когда-нибудь Главный Дух, Бог, меня призовет, и я уйду, чтобы больше не вернуться. Оставлю в этом мире тело, а сам вернусь к Богу. И что тогда? Кто будет управлять Русами после меня?

Наступила тишина, Нел с Мией переглянулись, и рыжеволосая предположил

– Твои сыновья, Макс Са?

– Да, черт побери, мои сыновья! А почему именно они будут управлять всеми Русами? Потому что они мои сыновья! А если Зео родит мне сына, вы уверены, что он не захочет управлять племенем, потому что он тоже мой потомок?!

Я продолжал ходить по комнате, сурово разглядывая жен: даже смелая Миа сжалась под моим взглядом, а Нел спряталась за ее спину.

– Я не уверен, что после моего ухода, – я избегал говорить слово «смерти», потому что Макс Са бессмертен в глазах Русов, – вы не передеретесь, и каждый из ваших сыновей не захочет стать главным. А вы еще хотите добавить претендентов на престол? А давайте я пересплю с каждой женщиной племени, чтобы каждый получил равный шанс занять мое место?

Вот сейчас жены поняли, о чем меня просили: в глазах Мии зажегся недобрый огонек, похоже, Зео теперь попадет в категорию ее личных врагов. Этого никак нельзя допустить, и я поспешил предупредить:

– Кто тронет Зео – будет отвечать передо мной! – предупреждение сработало, угрожающее выражение лица Мии сменилось на задумчивое. Сейчас она прикидывает варианты, кто получит власть после моего ухода: Миха или Мал. У нее даже как-то вырвалось такое, что Мал сильнее и достойнее быть вождем. Тогда я ей заткнул рот, но сейчас сам дал пищу для размышлений.

Сколько раз читал в истории, как брат убивал брата, чтобы занять престол. У меня и престола-то нет, но желание Власти у людей в крови. Надо будет подумать, как избежать борьбы за трон после моей смерти. А еще лучше – прямо сейчас объявить наследника, на случай моей скоропостижной кончины. Но, объявив наследника, я, возможно, поставлю его под удар. Это уже не те дикие племена, собранные мной в один будущий народ. Появился рынок, появились новые отношения и должности. С вводом в оборот денег расслоение между людьми пойдет быстрее и его не избежать. Любое общество всегда формирует элиту: сильных, умных, богатых. И лучше закончить формирование этой элиты при своей жизни, чем оно начнется формироваться кровью после моей смерти.

Внезапно меня осенила мысль, на первый взгляд показавшаяся весьма умной и правильной. Я просто создам несколько поселений, где будет править каждый из моих сыновей. Конечно, со временем их потомки могут забыть о родстве и пойти войной друг на друга. Но к тому времени они уже превратятся в сложившиеся государства, и существующая цивилизация, и созданное мной общество не исчезнут с моей смертью.

– Каждый из моих сыновей будет править Русами после моего ухода, – эта фраза заставила женщин наострить уши. – Сколько бы ни родилось у меня сыновей, каждому из них я дам большое племя и возможность стать Великим Вождем. Но до этой поры, если кто-нибудь из вас заикнется, кто должен стать вождем после меня, то получит развод. Вы помните, что такое развод?

– Помним, – упавшим голосом отозвалась Нел, а Миа лишь кивнула, помрачнев еще больше.

– Что касается Зео, я подумаю над вашим предложением, она хорошая девушка и достойна стать моей женой, – но, судя по лицам моих жен, теперь такая вероятность им не казалась привлекательной. Что ж, надо было думать раньше и не пытаться делать из меня арабского шейха. За что боролись – на то и напоролись. Еле сдержался, чтобы не расхохотаться при виде озадаченных лиц обеих женщин.

– У вас есть ко мне вопросы?

– Нет, Макс Са, – первой ответила Миа, хищно раздувая ноздри. Нел также не имела вопросов.

– Миа, не забывай, что я сказал про Зео. Если с девушкой что-нибудь случится, я знаю, с кого спросить. И спрошу очень жестко! Теперь можете заняться своими женскими делами, мне надо еще решить много вопросов до охоты на Зи.

Я остался один и вновь вернулся к теме престолонаследия. Если оставить одному сыну Плаж, второму – Кипр, а третьему – Родос, можно избежать конфликта между ними. Можно организовать поселения и подальше, чтобы оттянуть по времени их возможные разборки. Например, Ливан, Египет, Италия и так далее. Ведь у меня, наверное, родится еще не один сын, особенно, если возьму Зео третьей женой. Девушка красивая и, судя по всему, безумно влюблена в меня. Две или пять жен – особой разницы нет, все это называется браком. А хорошее дело браком не назовут.

А у меня еще есть Бер, названный сын. Интересно, как он поведет себя, если меня не станет? Не станет ли помехой моим детям, захотев узурпировать власть? Есть еще братья Нел,

которые могут претендовать как родня первой жены. И есть Лар, у которого в подчинении практически вся армия, за исключением воительниц Мии и спецназа Бера. Да и сама Миа, имея двух сыновей, которые, вероятно, станут крайне сильными воинами, может захотеть избавиться от Нел и Михи. Возможно, я преувеличиваю опасность, но лучше перебдеть, чем недобдеть. Американцев в расчет борьбы за престол я не брал: слишком правильные, да и особой поддержкой среди русов не пользуются – Тиландеру не могут забыть, что он не приложил достаточных усилий для моих поисков. «Тяжела ты, шапка Мономаха», – вздохнул я, снова принимаясь за рисунки будущих денег.

Глава 4. Санчо, ты космос

Остаток дня и весь следующий день занимался контролем работ по восстановлению инфраструктуры Плажа и хижин жителей. Ураган поднял большое количество пыли и песка, которая по мере ослабления ветра садилась на землю, попадая на поля с посевами, в колодцы. Несмотря на то, что колодцы всегда закрыты деревянными ставнями, песок и пыль проникли внутрь. С колодцами проблем не должно быть: пыль и песок осядут на дне, поля тоже сами очистятся от пыли и песка. Самым главным вопросом оставались хижины и продовольствие.

Велел отнести большое количество веревок вождю Наа, чтобы его люди могли сплести новые сети. Когда навестил причал, приятно удивился темпами восстановительных работ на этом сильнее всего пострадавшем участке. Около двадцати хижин уже возведены, над остальными шла работа. Вытащенная на берег «Акула» завалена на правый борт, под левым стоят упоры, не давая драккару завалиться на песок, и его скоблят с десятков человек, подгоняемые непрерывными указаниями Тиландера работать тщательнее. Всего за год днище корабля облепили разнообразные моллюски, бурно растущие в теплой воде водоросли тоже внесли свою лепту.

Я не стал подходить и прерывать их работу, махнув рукой американцу, чтобы не отвлекался. Следующим по плану навестил участок, где располагались кузня и печи. Здесь также кипела работа, Лайтфут, взобравшись на доменную печь, что-то ремонтировал. Куски кирпичей и доски ему подавал Рам, который при виде нас бросил все на землю и пошел навстречу. Он тепло потерся носом с Санчо и даже не удостоил взглядом Бера, на что мой командир спецназа лишь фыркнул, пренебрежительно разглядывая увальня.

– Макс Са, – посчитав, что этого приветствия достаточно, Рам вернулся к работе, к радости американца, сорвавшего горло, прося подать ему шамотный кирпич и кусок металлической ленты.

– Невозможно с ним работать, сэр, постоянно приходится просить по десять раз, чтобы подал один предмет, – полушутливо, полусерьезно пожаловался Лайтфут, когда я подошел поближе.

– Может, возьмешь Санчо в подмастерья? – я наблюдал как изменилось лицо американца после такого предложения. Он сравнил габариты обоих полукровок и, видимо, пришел к выводу, что Санчо не даст на себя так кричать.

– Нет, сэр, Рам парень толковый, просто подгонять приходится, общий язык мы с ним находим, – отмахнулся от моего предложения американец, балансируя на верхушке домны.

– Какой язык вы находите? Английский или неандертальский? – захотелось потроллить парня, который мне очень нравился. Не в свои дела не лезет, инструмент и оружие делает качественные, да и в отличие от Тиландера, никогда не рвался домой.

– Язык русов, мы сейчас все русы, – не растерялся Лайтфут, принимая поданные Рамом кирпичи.

– Что с домной?

– Ничего серьезного, надо укрепить верх, ветер немного расшатал место выхода газов, – американец ловко вставил два кирпича в выемку и металлическими лентами стянул верхушку, плотно охватывая дымовую трубу, осторожно слез с печи и подошел ко мне, откидывая назад длинную челку, которая лезла в глаза.

– Вы просто, сэр, или у вас есть для нас задание?

– Вот посмотри на наброски монет, – я вытащил и протянул американцу рисунки.

Несколько минут Лайтфут изучал представленные рисунки аверса и реверса. Затем вернул мне листок со словами:

– Рисунки несложные, думаю, особых проблем не возникнет. Я думал над вашими словами и считаю, что нам лучше штамповать монеты методом прессования, раз они будут из свинца и меди.

– Будут и никелевые, достоинством побольше. Вот, смотри, – я снова показал на монеты с изображением римских цифр. – Это «бат», его делают из никеля. В одном бате будет двадцать «шей» из свинцово-медного сплава. Монеты надо делать разного размера, чтобы даже наощупь дикари понимали их номинальную стоимость.

– Какой формы должны быть монеты, сэр?

– Круглые, разве монеты бывают другой формы, Уильям?

– Если вы позволите, – американец опустил на корточки и провел две параллельные линии на расстоянии двух сантиметров друг от друга. Затем, вертикальными черточками, превратил их в квадратики одинакового размера. Я молча смотрел за его действиями, понимая, что сейчас последует пояснение.

– Если мы начнем делать монеты квадратной формы, то ускорим процесс, получив вдобавок безотходное производство. В таком случае, мы с Рамом куем полоску нужной ширины, которую зубилом разрубаем на нужное количество квадратиков. Так получаем заготовки, на них потом выбиваем рисунок с обеих сторон путем прессования подогретого сплава.

– А с круглыми так не получится?

– Сэр, это процесс куда более трудоемкий, а получить круглые монеты одинакового размера можно только литьем. Кроме того, потребуется еще и много форм, чтобы не отливать по паре монет за раз. И потом, все равно на них придется наносить рисунок. Вы получите производительность труда в несколько раз ниже. Но если вы настаиваете, то будем делать круглые, – Лайтфут отряхнул руки.

– Хм... меня вполне устраивают квадратные деньги. Как скоро получится приняться за работу?

– Можем начать прямо сегодня, но до процесса чеканки монет довольно далеко, – ответил американец и пояснил, заметив вопрос на моем лице. – Вы представили восемь рисунков разного размера. Нужно сделать шестнадцать матриц, на которых нужно получить выпуклый рисунок монет. И закалить эти матрицы так, чтобы многократное использование не меняло рисунок.

– Ясно, я оставлю рисунки, чтобы ты мог начать работу. Скажи мне, когда будет готов первый оттиск монеты, хочу видеть своими глазами. Еще раз пройдясь по размерам монет, мы остановились на том, что самая мелкая достоинством в 1 шей будет два на два сантиметра. С каждым последующим номиналом размер будет увеличиваться на пять миллиметров. Толщину монеты решили делать в пределах от одного до двух миллиметров. Трудно соблюсти абсолютную точность с несовершенством нашей техники.

После разговора с кузнецами, которым предстояло стать еще и монетчиками, направился к скотному двору. Здесь изменений особых нет, ураган практически не причинил вреда, если не считать сорванных крыш навесов, дававших тень животным. Двое мужчин и две женщины, имен которых я не помнил, спешно настилали новую кровлю. Немного задержавшись с ними и узнав, что все для ремонта у них имеется, вернулся во дворец, сопровождаемый Бером и Санчо.

Прогулка возбудила аппетит, но особенно еде обрадовался неандерталец. Когда он умял огромную порцию сушеного мяса и съел две миски чечевичного супа, на лице Нел отразились внутренние сомнения. Теперь она думала, не поспешила ли с переселением неандертальца во дворец, потому что Санчо почти всех оставил голодными. Но безопасность стоила таких жертв и, просветлев лицом, жена поинтересовалась у Санчо, не желает ли он добавки. Громко рыгнув, неандерталец отказался и, получив от меня заверения, что я никуда не собираюсь, отправился переваривать съеденное в свою комнату.

Бер тоже отпросился, мотивируя, что спецназ на сегодня наметил тренировки, и его присутствие обязательно. После разговора о женитьбе и сложности престолонаследия Нел затихла. Миа после трапезы сразу отправилась в свою спальню, стрельнув глазами. «Обойдешься, – злорадно подумал я, глядя как она виляет бедрами, – головой иногда надо думать, вот пока не поумнеешь – спи одна».

После обеда я прошелся к примыкавшей к крепостной стене с противоположной от базарчика стороны школе, сделанной по типу бревенчатого сруба, где встретил Зика: утренние занятия закончились, и сейчас он занимался приготовлением отваров для пострадавших во время урагана. Большая часть полученных травм – обычные ушибы, но русы верили в чудесную силу лечебных отваров. У «больницы» совмещённой со школой, толпилось человек пятнадцать. «Главное, чтобы такие толпы не собирались у питейных заведений», – внутренний запрет на пьянство сидел у меня в крови. Отец никогда не злоупотреблял спиртным, сам я тоже не большой любитель. Пить, конечно, приходилось, но после одной страшной попойки на первом курсе зарекся переходить норму в пять стопок водки или три бутылки пива.

– Зик, не надо всем подряд давать отвары, они привыкнут, потом будут бегать к тебе по каждой мелочи, – парень дернулся и, понизив голос, прошептал:

– Я знаю, Макс Са, но сейчас все верят, что после этого отвара у них несколько сезонов роста травы не будет ничего болеть.

– Именно поэтому тебе и говорю, что такими темпами они быстро поймут, что твои отвары им не помогают. Потом еще начистят тебе рыло в подворотне за обман, – часть слов Зик не понял, но общий посыл уловил, пообещав серьезнее относиться к выдаче «чудодейственных» отваров Макса Са.

Оба брата Нел: Раг и Бар сейчас находились в Форте. Раг привык там жить, ему нравилось чувствовать себя стоящим на страже наших границ. Периодически он приезжал в Плаж, и я всегда бывал ему рад. Бар совсем скис после моего пленения, и даже мое благополучное возвращение не смогло привести его в норму. Парень стал более замкнутым и большую часть времени проводил в Форте, хотя его жена Моа по-прежнему жила в Плаже. Он там сошёлся с другой женщиной и чаще всего спал или охотился. Дважды я говорил с ним, парень приходил в себя, но спустя время снова опускал руки и исчезал.

Лар тренировал воинов сразу за Рвом, заставляя их бегать при полном вооружении. Около двух часов я провел с Ларом, наблюдая за тренировками воинов. Служи он в российской армии, то непременно стал бы самым ненавидимым сержантом за придирки и задаваемые нагрузки.

Назад я возвращался уже практически в сумерках: слева и справа неслышной тенью скользили два спецназовца Бера, сопровождавшие меня, когда рядом не было их командира. Они никогда не обращались ко мне по своей инициативе, а молча делали свою работу.

Утром, во время завтрака, появился парнишка от Тиландера со словами, что «Акула» на воде и готова выйти в море по моему прибытию. Миа сидела насупленная, вчерашний отказ разделить с ней ложе ее явно не обрадовал. С другой стороны, за что я их виню? Что они могли знать о дворцовых переворотах и подковерной борьбе?

– Миа, собирайся, мы плывем охотиться на Зи, – обиженное выражение исчезло моментально, девушка рванула в спальню за своим копьем.

– Нел, приглядишь за детьми, если нужна помощь – позови Моа, она все равно бездельничает.

– Присмотрю, не переживай и будь осторожен, Макс Са, что-то беспокойно мне, словно беда будет, – она даже приложила руку к груди, давая понять, что тревога в ее сердце.

– Все нормально, эта охота практически у берега, мы быстро вернемся. Видишь, Санчо спокоен, значит опасности нет.

Санчо доел свою порцию и сидел с невозмутимым лицом, выражая абсолютное спокойствие.

– Ха (куда мы идем)?

– Ял, Да (за едой в Большую Воду).

– Ха (это хорошо), – удовлетворенно хакнул Санчо, поднимаясь с места. Миа уже спешила со своим копьем, сменив домотканую юбку на набедренную повязку из шкуры.

Когда мы подошли к причалу, Тиландер ждал только нас, а вся команда сидела на борту, лениво перебрасываясь словечками. Матросы, среди которых я заметил воинов из бывших Уна, приветствовали меня, вставая с мест. Американец сделал правильный вывод из покушения на Нел, и теперь команда драккара не состояла из одних только Выдр.

– Готовлю матросов из разных частей поселения, чтобы собрать команду для «Варяга», – озвучил увиденное мной Тиландер и ударил в гонг. Швартов отдали, и весла опустились на воду, драккар заскользил под мерные удары гонга. Выйдя из бухты, Тиландер немного прижался к берегу, и мы поплыли на север. Или мне так казалось, или на самом деле матросы поднаторели в гребле, но драккар буквально летел по воде.

Зи мы увидели спустя минут десять на своем обычном месте. Право нанести первый удар я предоставил Мие, и она дрожа от нетерпения стояла на самом носу. Животные паслись у самого берега на мелководье. Даже с учетом малой осадки, Тиландер не рискнул подвести драккар ближе пяти метров, опасаясь рифов. Вода прозрачная, и видно песчаное дно, но я не стал вмешиваться в работу капитана, ему виднее.

Миа метнула копье с расстояния в четыре метра, следом метнул я и еще трое матросов. Несчастливая Зи попыталась выкарабкаться на берег, но получила слишком серьезные раны. Несколько раз она издала звук, похожий на плач ребенка, и уронила голову в воду. Два копья, что метали матросы, были гарпунами на веревках. Не теряя времени, пока акулы не почувствовали вкус крови, быстро подтянули животное к корме, и Тиландер ударил в гонг: надо спешить. За вторым животным вернемся после того, как это доставим в бухту. При возвращении скорость немного упала, приходилось преодолевать встречное течение, да и туша животного тормозила.

Через двадцать минут мы вошли в бухту, передав животное ожидавшим рыбакам, отправились на второй заход. Требовалось добыть минимум трех Зи, чтобы обеспечить всех мясом на несколько дней, пока снова не начнется ловля рыбы сетями.

И снова быстро преодолеваем около двух километров, чтобы последние пятьдесят метров до животных доплыть за счет инерции. Миа вопросительно смотрит на меня, и я, улыбнувшись, киваю:

– Хорошо, бей первой, – радость рыжеволосой красавицы велика, ее взгляд красноречиво говорит, что этой ночью от нее так просто не отделаюсь.

И в этот раз ее бросок безупречен: копье на треть входит в тело морской коровы, которую следом гарпунят двое матросов. Санчо с любопытством смотрит на морскую охоту, крепко держась одной рукой за мачту. Беру не нравится такой вид охоты, когда добывают беззащитное животное. Мне и самому претит убивать этих безобидных коров, но кормить людей надо в любом случае.

И второй раз мы успеваем уплыть, прежде чем на запах крови появились акулы. Когда вышли в третий и последний на сегодня заход, Санчо, сидевший до этого спокойно, разволновался. Мы огибали скалу, что глубоко вдавалась в море, защищая нас с севера, когда неандерталец вскочил и стал всматриваться в сторону юга.

– Что там Санчо? Га (опасность, беда)?

– Макш, Га (надо пойти туда), – рукой парень показывает на юг, в сторону предполагаемого Египта.

– Сэр, что с ним, он что-то чувствует, опасность? – Тиландер на этот раз смотрит на неандертальца другими глазами.

– Нет, не опасность. Но он просит изменить направление на юг, не понимаю почему.

– Санчо, что там такое? – смотрю парню в глаза и на миг замираю: я отчетливо вижу изображение странной лодки, похожей на сделанную из камыша, где на дне лежат два полуобнаженных тела.

– Сэр, вы меня слышите? – Тиландер трясет меня за плечо. «Что это было? Видение?» Бросаю взгляд на неандертальца и поражаюсь его бледности. – Сэр, присядьте. Вы бледны как привидение, – я наконец начинаю осмысливать слова американца. Снова бросаю взгляд на Санчо и в его больших карих глазах вижу смешинки, словно дикарь что-то пытается сказать мне. И буквально в следующую секунду понимаю, что видение мне показал неандерталец. Телепатия, мать ее? Но настолько четко видеть картину, которой нет в реальности?! Или я просто схожу с ума? Но почему Санчо так бледен, и его тоже не держат ноги? Делаю попытку встать, чувствую, как подгибаются колени.

«Что это было, откуда это видение, может у меня шизофрения?» – в голове полный хаос и неразбериха, болит так, словно голову стягивают железным обручем. Вдруг, в голове воцаряется тишина, и я практически чувствую на вкус просьбу о помощи на неизвестном языке: «Орц дал!» В этот момент Санчо теряет сознание, кулем свалившись на гребца и подминая его под себя.

Глава 5. Алолихеп

Неандерталец, теряющий сознание – в своей жизни я не видел ничего более удивительного. Даже пролет МКС через «червоточину» и мое попадание в прошлое другой Земли могли иметь более логическое объяснение, чем неандерталец, теряющий сознание. На подгибающихся ногах я добрался до Санчо, пощупал пульс: он был хорошего наполнения, но слегка частил. Брызнул ему в лицо водой, но никакой реакции. Пришлось слегка похлопать по щекам: Санчо открыл глаза и сразу постарался встать, но ему это не удалось. Однако через минуту неугомонный дикарь все-таки стоял на ногах, слегка покачиваясь.

– Макш, Га (надо идти туда), – снова направление на юг. Картина необычной лодки, в которой лежали два мертвых или живых тела, снова возникла в мозгу. Но на этот раз её образ я вызвал сам. И эти необычные слова, «орц дал» прозвучали тогда так отчетливо, что я мог их повторить с соблюдением интонации.

– Герман, пойдем на юг, там что-то есть. Санчо не стал бы так настойчиво этого просить без веских причин. На всякий случай заряди обе баллисты, неизвестно с чем нам придется столкнуться.

Тиландер отдал команду, левая сторона весел уперлась в воду, правая подгребала, пока нос драккара не устоялся на юг. Снова гонг, и драккар рванулся вперед, моя слабость прошла, хотя голова еще болела. Ухватившись за бушприт, вглядываюсь вдаль, но кроме безбрежного моря ничего не вижу. Около часа драккар идет на очень высокой скорости, которую американец с помощью лага определил в двенадцать узлов. Но даже сильные и выносливые дикари не могут грести долго на пределе своих сил. Скорость начинает падать на глазах, а в лазурных водах моря нет ничего похожего на лодку.

– Герман, пусть гребцы отдохнут, минут десять пойдем на средней скорости, если ничего не встретим – поворачиваем назад. Санчо продолжает вглядываться вдаль и вдруг радостно восклицает:

– Ха (там)! – теперь направление его руки указывает на юго-запад. Сколько я и американец ни всматриваемся – мы ничего не видим. Бер, словно обезьяна, карабкается на мачту и секунд двадцать разглядывает море по направлению, что показывает Санчо.

– Вижу, – кричит он сверху.

– Что там, Бер?

– Не знаю, Макс Са, темное, очень далеко.

Тиландер корректирует курс, гребцы сами с удвоенной силой налегают на весла, пытаются скорее достичь того, что так встревожило неандертальца. Они все помнили, как позавчера Санчо не дал нам выйти в море, и понимали, что именно ему обязаны жизнью. Через пару минут мне показалось, что я тоже вижу темное пятно на воде. Прошло еще около десяти минут, прежде чем я понял: на воде качается та самая необычная лодка, которую я увидел в своей голове. С этим видением еще предстояло разобраться, бросил взгляд на неандертальца-телепата, расплывавшегося в улыбке по мере нашего приближения к лодке.

Минут через десять мы приблизились настолько, что смогли рассмотреть необычную конструкцию, медленно дрейфовавшую на запад. Лодка походила на полумесяц, рога которого обращены вверх. Около семи метров в длину, корма и нос одинаковые и смотрят вверх почти под прямым углом. В середине лодки возвышается небольшая мачта без паруса. Нос и корма узкие, но в середине лодки расширялась почти до двух метров.

Еще пару минут и мы уже почти вплотную приблизились к странной конструкции, борта которой сделаны явно из растения похожего на тростник. «Папирус» – возникло в голове название. С кормы и носа на верхушку мачты шли веревки, видимо, придававшие устойчивое положение мачте.

Прозвучал гонг, заставив меня вздрогнуть от неожиданности. Весла подняли из воды, и «Акула» по инерции проскользила около десяти метров, пока не поравнялась с лодкой. Перегнувшись, я схватился за борт, сразу почувствовав, что его край липкий. Несколько рук помогли пришвартовать лодку к драккару, и только тогда я смог встать, чтобы заглянуть внутрь. Несмотря на скромные размеры плавсредства, оно имело подобие палубы на носу и на корме. Два темно-коричневых тела, облаченных в некое подобие ткани или тонкой шкуры, лежали неподвижно. Борт лодки немного возвышался над нашим, но это не помешало Беру первым перескочить на чужую посудину.

– Макс Са, здесь только эти двое, больше никого нет, – мой телохранитель давал понять, что спрятавшихся воинов нет. Очутившись в лодке, я опустился рядом с телами, пытаюсь нащупать пульс. Только сейчас заметил, что это парень и девушка. Пульс прощупывался у обоих, нитевидный, учащенный и прерывистый. Растрескавшиеся губы и солнечные ожоги по всем оголенным частям тела говорили о том, что люди несколько дней провели без воды.

– Герман, передай мне воду, – американец протянул небольшой кожаный бурдюк: смочив пальцы рук, поочередно смочил потерпевшим губы, затем попробовал смочить рот. Когда смачивал повторно, девушка рефлекторно попробовала сделать глотательное движение. Обрадовавшись, попробовал ей влить несколько капель из бурдюка: она закашлялась и открыла глаза.

– Ра, – еле слышно прошелестело с ее губ, и глаза закрылись. Грудь девушки, прикрытая необычной тканью, похожей на циновку, вздымалась. Осторожно положив ее голову обратно на дно лодки, принялся за парня. Парень после нескольких попыток даже сделал небольшой глоток, но глаза так и не открыл. У обоих налицо сильное обезвоживание, пощупал снова пульс, вроде хуже не стало. Подождав еще около десяти минут, еще раз предпринял попытку дать по глотку воды. На этот раз оба выпили по паре маленьких глотков практически не поперхнувшись.

– Герман, их нужно перенести на «Акулу» и накрыть от солнца, у них и так очень сильное обезвоживание. Лодку бери на буксир и возвращаемся домой, – оба найденыша не пришли в себя, пока мы их переносили на драккар. Лодку необычной конструкции закрепили тросом, и драккар пошел к Плажу средним ходом. Берег в виде темного пятна на северном горизонте появился через полчаса.

Теперь я мог рассмотреть спасенных внимательно: кожа очень смуглая, переходившая в красно-коричневый цвет. Черные вьющиеся волосы, густые ресницы. Когда девушка на мгновение открыла глаза и прошептала «Ра», я успел заметить глаза необычайно красивой миндалевидной формы. Полные, чувственные губы девушки потрескались, кое-где даже засохли капельки крови. Парень сильно похож на девушку, единственное, что бросалось в глаза – несколько удлиненная затылочная часть головы.

Определенно это не африканцы в моем понимании: нос практически как у меня, довольно высокий лоб. Даже обезвоженные, с осунувшимися чертами лица, найденыши довольно симпатичные, если не сказать красивые. Их нельзя назвать широкоплечими, и мускулатуры у юноши тоже практически не развита. Вряд ли это связано с голоданием и обезвоживанием, скорее, просто астенический тип телосложения.

Когда мы уже находились рядом с бухтой, парень зашевелился, его небольшой кадык судорожно двигался. Приподняв ему голову, влил ему немного воды в рот: он проглотил воду и, успокоившись, затих. Попытка напоить девушку не увенчалась успехом: плотно сжатые губы не разомкнулись, а применять силу я не стал.

На причале нас встречало почти все население Плажа, которые удивились нашей смене курса и тому, что мы исчезли в море. Пришвартовавшись, я первым сошел на пирс и сразу скомандовал Лару, встречавшему нас:

– Мы встретили двух человек в море, нужно их перенести ко мне во дворец. И будь осторожен, они очень слабые, тряссти их нельзя.

– Герман, лодка этих людей на твоём попечении, – американец кивнул, сразу отдавая распоряжения. Толпа на берегу с интересом разглядывала диковинную лодку, делясь своими впечатлениями. Помня мои слова, девушку и парня несли на руках очень аккуратно. Сразу послал за Зиком, чтобы ожидал меня во дворце. С момента как мы нашли умирающих, Миа практически не проронила ни слова. А вот Нел, встретив меня по дороге, пыталась выяснить, кто они такие, и зачем их несут к нам домой.

– Зик, раздень парня и хорошенько оботри водой, – парень бросился исполнять поручение, попросив у Нел миску с водой.

– Нел, иди сюда, – позвал я жену, когда та появилась, и дал указание, – раздень ее и хорошенько оботри водой повсюду.

– Хорошо, Макс Са, – если недовольство в ее голосе и звучало, я его не уловил. Оба моих доморощенных лекаря принялись за работу, и через полчаса обмытые и охлажденные парень с девушкой спали уже относительно нормальным сном. Несколько раз смочил им губы водой, но пить пока не давал. Полежат пару часов в тенечке, организм начнет отходить от постоянного воздействия высокой внешней температуры, и придут в себя. Человеческий организм устроен так, что в экстремальных ситуациях направляет все ресурсы на поддержание жизнедеятельности, временно блокируя нерациональное использование последних резервов.

Сидя за столом и наслаждаясь малиновым чаем, анализировал случившееся сегодня. Первое и самое главное: телепатия существует, потому что образ этой лодки отчетливо возник в моей голове, когда Санчо посмотрел мне в глаза. Его назойливое желание заставить нас плыть на запад говорило о том, что неандерталец чувствовал этих двоих, оказавшихся на грани смерти. Но кто ему транслировал их изображение? Космос? Воспитанный на строгих догматах науки, я всегда скептически относился к околонучным гипотезам. Само существование параллельных Вселенных всегда было только гипотезой, не подтвержденной ни единым фактом. То же самое и телепатия: не имелось ни одного достоверного факта, что такая способность есть в человеческом мозге. Больше всех с телепатией экспериментировали нацисты, но и они не добились прорыва в этом направлении.

С другой стороны, мое появление в этой Вселенной – уже само собой рушило некоторые догматы. Как и пропавшее «звено 19» из пяти американских торпедоносцев, оказавшееся здесь, пусть и в неполном составе. Не исключено, что в этом мире могут найтись еще люди, чье исчезновение в моем мире оставалось загадкой.

Я вспомнил, как лев трусливо убежал, когда Санчо вышел ему навстречу. Меня удивляло, как одним «Ха» можно было дать понять собеседнику о совершенно разных ситуациях. Может именно поэтому и не развилась речь неандертальцев, что телепатическими способностями они придавали нужное значение одному слогу?

Мои мысли вернулись к спасенным: я вспомнил, что похожую лодку видел в фильме про Древний Египет. Цвет кожи у юноши и девушки не черными, скорее, темно-красный с оттенком серого. Миндалевидные глаза девушки мне почему-то показались знакомыми и почти сразу пришел вспомнилось, что Выдры имеют похожие глаза.

– Макс Са, – из комнаты, где я разместил спасенных, машет Зик. Не допив чай, торопливо иду к больным, чтобы посмотреть, что случилось.

Парень пришел в себя, в его слегка раскосых глазах плещется удивление и страх. Зрачки стремительно бегают, пытаюсь осмотреть как можно большее пространство, чтобы мозг мог проанализировать ситуацию. Войдя в комнату, миролюбиво поднимаю руки, ладонями к парню: жест этот среди дикарей всегда означал отсутствие агрессии. Взгляд парня останавливается на мне: даже при дефиците дневного света, проникающего через окно в комнату, вижу, что его глаза невероятно выразительные.

– Кто ты? – парень вздрагивает от моего вопроса, и с его губ слетает тихое:

– Аха теа муан че, – голос мелодичный, словно парень не говорит, а поет. Но, к сожалению, ни одного знакомого слова.

– Зик, сбегай за шаманом Хером и вождем Наа, – когда парень убегает, присаживаюсь у изголовья парня, косящего на меня испуганными глазами, и подношу миску с водой, приподнимая ему голову. Он делает маленький глоток и начинает шумно пить, но я убираю миску.

– Не разгоняйся дружище, напьешься еще, – то ли интонация моего голоса подействовала, то ли живительная влага, но парень даже попытался улыбнуться:

– Келадонхеп кахрамон, – в этот раз мне показалось, что прозвучали имена. Чтобы подтвердить свою догадку, прикладываю руку к груди и произношу:

– Макс Са, – парень повторил мое имя очень спокойно и снова произнес:

– Келадонхеп кахрамон, – пока буду считать, что это его имя, крайне сложное для периода каменного века. Имена обычно сейчас короткие и легко выговариваемые. Парень немного заерзал и, устремив на меня жалобный взгляд, спросил: – Аха теа муан алолихеп кахрамон? – слово «кахрамон» снова повторилось, как и окончание «хеп». Парень попытался поднять голову, чтобы оглядеться, но не смог. «Он ищет свою спутницу, это о ней он спросил», – мелькнуло в голове и, чтобы подтвердить догадку, я приподнял голову юноши, направив его взгляд в сторону, где под шкурой спала девушка. – Алолихеп, – с нежностью произнес парень, подтвердив, что слова, оканчивающиеся на «хеп», являются именем.

Спустя минуту парень уже крепко спал, я же пару минут постоял рядом, сравнивая лица: кто они друг другу? Муж и жена или близкие родственники? По возрасту, возможны оба варианта: навскидку им примерно восемнадцать-девятнадцать лет. Уже выходя из комнаты, услышал вздох: обернувшись, заметил, что девушка пришла в себя и пытается оглядеться. Я стоял около ее изголовья, и пока она меня не замечала. Дважды Алолихеп попыталась поднять голову и оба раза бессильно роняла ее на шкуру.

– Алолихеп? – от звука моего голоса она вздрогнула, еле слышный стон сорвался с ее губ. Приблизившись, встретился с ее глазами, в которых плескался непередаваемый ужас. Красивые миндалевидные глаза застыли, зрачки расширились, словно она увидела свою смерть.

– Не бойся, воду хочешь? – нарочито медленным движением подношу миску, чтобы девушка увидела воду. Страх в глазах не исчез, но при виде воды она судорожно сглотнула, шевеля растрескавшимися губами. Присев рядом, осторожно приподнимаю ее голову и подношу миску. Немой вопрос застыл в ее глазах, но пить девушка не решается.

– Не бойся, пей. Это чистая вода, – даю миске прикоснуться к губам. В этот момент слышатся голоса Наа, Зика и шамана Хера, спешащих ко мне. Еще раз взглянув на меня глазами, полными страха и горечи, девушка делает глоток, закрывая глаза. На секунду задержав воду во рту, проглатывает ее и начинает жадно пить, пока я быстро не отнимаю миску.

– Много нельзя, чуть позже напьешься, – голос доктора на любых больных действует одинаково успокаивающе. Вот и сейчас я произнес эти слова обычным тоном, словно общался с больным, но она поняла. Страх в глазах уменьшился и появилось любопытство, мол «что это за фрукт такой»?

Хер и Наа входят, сзади маячит Зик. Вошедшие с удивлением смотрят на парня и девушку, переводя взгляд с одного на другого.

– Наа, Хер, я спас этих людей в море, но не понимаю их языка, может вам это удастся, – отхожу чуть в сторону, давая им место, чтобы подошли ближе. Девушка с тревогой провожает меня глазами, затем ее взгляд перекидывается на вошедших, которых она сканирует своими красивыми слегка раскосыми глазами.

Полчаса Наа и Хер пытаются понять и расспросить девушку, но та упорно молчит, не проронив слова. Отчаявшись, они разводят руками, и Хер выдает общее заключение:

– Мы не знаем, кто она, Макс Са.

– Хорошо, Зик, проводи Хера и Наа, – попрощавшись со мной, визитеры-лингвисты уходят. Девушка настороженно смотрит, как я хожу по комнате, выглядит она свежее парня.

– Алолихеп, я Макс Са, – притрагиваюсь к своей груди. Девушка смотрит и повторяет:

– Макс Са.

– Правильно, Макс Са. А ты Алолихеп? – показываю пальцем на нее. Чуть замешкавшись, она закрывает глаза и легонько кивает. Приподнимаю ее голову и направляю взгляд немного влево, чтобы она увидела парня:

– Келадонхеп, – радостно шепчет девушка, портя мне настроение. Так нежно произносят имя любимого, жениха или мужа.

– Спи, потом снова напою и накормлю, – и снова мой докторский голос на нее действует успокаивающе, взгляд уже не испуганный, скорее любопытный. Выхожу из комнаты, судя по всему, опасность их жизни не угрожает, а обезвоживанием займусь сразу, как отдохнут несколько часов. Но настроение испорчено: нежность, с которой они произносили имена друг друга, ядовитым жалом терзает грудь. Еще вчера я отметал всяческую возможность сойтись с третьей женщиной. Но эти глаза миндалевидной формы, обрамленные густыми длинными ресницами, взбудоражили кровь.

Алолихеп. Непривычное даже для моего языка имя теперь мне казалось таким красивым и звучным, что несколько раз повторил его вслух. Кто же ты, Алолихеп, и кто тебе этот Келадонхеп, при виде которого ты засветилась? Как вы очутились в лодке из тростника или папируса у берегов Ливана? Что побудило вас пуститься в авантюрное приключение на утлом плавсредстве без достаточных запасов воды, и как вас голове? Кто ты, Алолихеп? Египтянка? Нумидийка? Или просто посланница Бога, отправленная лишить меня спокойствия?

Глава 6. Адмирал Макс Са

Тиландер уложился в два месяца ровно, может и раньше успел бы поменять шпангоут «Варяга» и часть обшивки, но корабль был готов к плаванию ровно два месяца спустя после злосчастного урагана. В эти два месяца уложилось многое: унесенные ветром сети Выдр заставили нас выйти на преждевременную морскую охоту не дожидаясь прибытия китов. Убив два Зи и отправляясь за третьей, послушав Санчо, пошли в открытое море, где наткнулись на лодку из папируса, в которой находились парень и девушка.

Полумертвых от обезвоживания и солнечных ожогов, я доставил спасенных к себе, где выхаживал их, как недоношенных новорождённых. Только на третьи сутки Келадонхеп и Алолихеп смогли встать на ноги и сделать первые шаги. За несколько дней, что находился рядом с ними, попытался приучить их к базовым словам русского языка. Удивительно, но слова они схватывали на лету, поражая меня своей памятью.

Когда спасенные оправились, решил оставить их пока во дворце, к большому неудовольствию Нел и Мии, которые по достоинству оценили красоту Алолихеп. Мои опасения насчет возможного семейного союза спасенных, оказались напрасны. Это были брат и сестра, но узнал я об этом лишь месяц спустя. Много в Плаже им казалось в диковинку: в искренне изумление их привел горный хребет и лес, расположенный между Плажем и горной цепью. Келадонхеп даже напросился дойти до леса, где ходил между вековыми дубами и кедрами, трогая стволы деревьев.

В то же время лук им был знаком и Келадонхеп, и сама Алолихеп не выразили ни малейшего удивления при виде лука и даже сносно стреляли. А вот металлическая кираса их поразила, хотя мечи из металла им, судя по всему, оказались знакомы. На все мои вопросы о своем племени брат и сестра отвечали уклончиво, показывая рукой на юг. С их слов, они принадлежали к большому племени, которое называли амонахес. Племя по численности превосходило все поселение Плажа в несколько раз и жило в хижинах из камыша, обмазанного глиной.

Когда Келадонхеп, рассказывая о своем племени, упомянул Бегущую Воду, которую они называли Ямби, что впадала в Стоячую Воду, я укрепился в своих подозрениях, что передо мной протоегиптяне. Окончательно убедился в этом месяцем позже, когда мои гости рассказывали о Ямби, что каждый год разливается, вынося плодородную грязь на огромные расстояния. Единственное, что для меня оставалось тайной – семья спасенных мной и система обустройства племени. Племя, умеющее строить лодки из папируса, знакомое с луком и холодным оружием, стоило моего внимания. Несколько раз пытался завести разговор о том, что могу их доставить домой. Мной двигало не желание избавиться от брата и сестры, и не бескорыстное желание им помочь. В первую очередь, я рассчитывал наладить отношения с племенем Амонахес. Вначале это могут быть торговые отношения, со временем, может, они также волюются в племя Русов или составят дружественную федерацию.

Но именно в этом месте оба начинали вилять, ссылаясь на то, что не знают, как вернуться домой, что их много дней носило по морю, что в Стоячей Воде много опасностей, и они не желают подвергать меня трудностям. За их нежеланием вернуться домой скрывалась тайна, я не торопился, потому что время играло на моей стороне, и рано или поздно им придется открыться.

Келадонхеп и Алолихеп крайне бережно относились к своей одежде из неизвестной мне ткани, вероятно, растительного происхождения. Она напоминала нечто похожее на короткую тунику без рукавов, которая закрывалась внахлест и по длине достигала колен. Вряд ли это повседневная одежда: выглядела слишком нарядной. Верхняя часть туники желтого цвета, нижняя – серо-белого. Ткань явно дорогая и вряд ли все в племени Амонахес носят такие.

Концовка «хеп» в имени означала принадлежность к роду, слово «кахрамон» означало род. Об этом Алоли и Келадон рассказали не таясь, не понимая, что тем самым дают мне дополнительную пищу для размышления. Интересное племя, раз принадлежность к роду закладывается в имени. Однозначно, племя амонахес ушло дальше в сословном делении.

Всю информацию о племени Алоли и Келадона, как я их стал называть, приходилось собирать по крупицам. Любознательные «египтяне» всегда охотно поддерживали беседу, пока речь не заходила о их семье. Нел первая пришла к выводу, что наши гости ничего не умеют делать. И действительно, за что бы они не принимались, все у них получалось плохо. Готовить Алоли практически не умела, хотя с радостью старалась помочь Мие или Нел. Мясо пережаривала, лепешки у нее сторали и, вспыхнув от негодования за свою беспомощность, девушка замыкалась в себе на несколько часов. Со временем Алолихеп перестала пытаться что-то сделать и просто проводила время в изучении языка, крутясь рядом со мной.

Келадон проявил интерес к строительству корабля, находясь рядом с Тиландером, но парень тоже ничего не умел. Но они же дожили до своего возраста, получается, что о них заботились. Еще одна загадка, которую предстоит разгадать.

За время, пока Тиландер ремонтировал корабль, мы привыкли друг к другу, и египтяне свободно перемещались по поселению. Верблюды привели Алоли в восторг, но настоящее удовольствие девушка получила, прокатившись верхов, сидя за мной, крепко обхватив меня руками. После того как я узнал, что они брат и сестра, стал уделять ей больше внимания. Девушка благосклонно принимала знаки внимания, но дальше улыбок дело не двигалось. Дважды заводил с ней речь о том, что хочу, чтобы она стала моей женой. Алоли улыбалась, но ловко уходила от ответа, я недоумевал. За два месяца с нами египтяне были наслышаны обо мне: про мое появление с Неба, умения лечить людей, про Большой Шум, которым я убиваю на расстоянии. Мое пленение и возвращение давно стали легендой, будто меня съели, но Главный Дух-Бог решил меня возродить заново. Любая женщина племени мечтала просто прикоснуться ко мне, а Алолихеп дважды ушла от ответа на мое предложение.

Все это происходило последние два месяца. Кроме тех двух Зи, что мы добыли, мы загарпунили огромного кита и решил проблему снабжения мясом. Лайтфут закончил с матрицами для монет, которые теперь хранились во дворце, выдавил по опытному образцу монет каждого номинала: получилось вполне достойно. Денежную реформу я решил отложить на неопределенный период: предстояло основание первого поселения на Кипре, и меня очень влекло в разведку на территорию Египта, чтобы своими глазами увидеть племя Амонахес.

Сегодня мы планировали отправиться с первой партией поселенцев на Кипр. Я учел ошибки при планировке Плажа и решил строить поселение по типу современных городов, располагая хижины ровными рядами и оставляя между ними широкие улицы, чтобы в дальнейшем не приходилось перестраивать заново. Также планировалась постройка моей резиденции, которая будет защищена стеной, и центральная площадь, где люди смогут собраться, узнать новости из первых уст. Еще одним новшеством станет административное здание, примыкающее к дворцу и сообщающееся с ним коридором. Здесь я планировал разместить своих будущих министров или ответственных людей по определенным направлениям организации управления. Нечто похожее на мэрию или ратушу, где государственные чиновники будут выполнять возложенные на них обязанности.

Вся схема будущего городка заранее вычерчена на бумаге, и много раз детали и план города я прорабатывал совместно с американцами. В первый поход преимущественно плыли рабочие, которые должны строить городок, а также охотники и работники сельского хозяйства. На «Варяг» загрузили запас чечевицы и ячменя, с огромным трудом удалось завести трех буйволиц, одного буйвола и десяток коз. Кроме этого, на «Акуле» плыли десять семей из Выдр и Уна, первыми изъявивших желание попасть в колонисты.

Нел осталась дома, чтобы вместе с Ларом и Хадом приглядывать за Плажем. Я взял с собой Келадонхепа и Алолихеп, не сдержавших возгласа удивления при виде «Варяга», казавшегося гигантом на фоне «Акулы».

– Прикажете отплывать? – Тиландер взял на себя управление «Варягом», «Акулой» теперь командовал молодой и очень толковый парень из Выдр по имени Каа, племенник вождя Наа. Парень с первого дня появления Тиландера и постройки драккара проявлял интерес к морскому делу, крутился рядом с американцем, постигая морское ремесло. Я не возражал против его назначения капитаном «Акулы», особенно когда лично увидел, как парень командует гребцами и парусом, управляя судном.

– Командуйте, Герман, вы капитан.

– А вы, сэр, адмирал, – ответно польстил американец.

– Какой адмирал, если не разбираюсь в судоходстве? – резонно возразил я, любуясь Алолихеп, стоявшей неподалеку и жадно вглядывавшейся в море в сторону ее Родины.

– Капитан, командующий двумя кораблями, является адмиралом по Морскому Уставу, у вас два корабля, значит вы адмирал, – козырнув, Тиландер отдал команду: – Отдать швартовы!

«Варяг» медленно отвалил от пристани, и гребцы опустили весла в воду. Метрах в двухстах позади за нами последовала «Акула», держась по правому борту. Выйдя из бухты, мы подняли все три прямых паруса на единственной мачте, и дополнительно поставили косой. «Акула» продублировала наши действия, и свежий юго-западный ветерок понес нас в сторону Кипра, давая гребцам отдых.

Еще только планируя основать городок на Кипре, я долго сидел над атласом, обдумывая, где именно заложить первое островное поселение. После долгих раздумий выбор пал на широкую бухту на восточной стороне острова практически на прямой линии с Плажем, где в моем мире находился Лимасол. Рядом, согласно моему атласу, синели несколько озер, кроме того, с время первого путешествия я помню еще и речку. Если в бухте помимо озер поблизости найдется ручей с пресной водой, то первое поселение заложу именно там. Запасной вариант – бухта, где в свое время приземлились американцы. По моему атласу она называлась залив Морфу, но находилась на западном побережье, что удлиняло путь до Плажа почти на сутки.

Если все пойдет удачно, первое поселение можно заложить на месте Лимасола, а второе в заливе Морфу, чтобы контролировать оба ключевых побережья. Расстояние по атласу между двумя крайними точками запада и востока всего пятьдесят пять километров, при обнаружении угрозы с одной стороны острова, расстояние небольшое, чтобы успела прийти помощь из второго поселения. Сейчас отплыла только часть колонистов, остальные придут позже, когда частично обустроим инфраструктуру поселения.

В отличие от колонистов, что впервые плыли на корабле, Келадонхеп и Алолихеп явно наслаждались морской прогулкой, стоя на носу корабля, и периодически до меня долетал звонкий смех девушки.

– Возьмешь ее женой? – Миа задала вопрос так неожиданно, что я вздрогнул, словно пойманный на месте преступления.

– Не знаю, посмотрим. Она не хочет быть моей женой, – неожиданно для себя поделился я своим недоумением.

– Ты Великий Дух Макс Са, почему ты должен кого-то спрашивать? Ты говоришь, все слушаются. Если хочешь взять – бери. – Слова Мии словно сняли пелену с глаз: а что, собственно, я у девушки спрашиваю, чай не двадцать первый век на дворе. Я спас ее вместе с братом, живет она у меня, домой не собирается. Или становится женой, или идет работать как все. Русы нахлебников не кормят, здесь каждый должен вносить свой вклад.

– Ты так с ней не сделаешь, потому что она другая? – вопрос Мии меня удивил.

– Какая другая?

– Она не воин, не умеет собирать коренья, чистить шкуру, плести веревки. Посмотри на ее руки, она ничего не умеет делать, просто большой ребенок, которого надо кормить, – рыжеволосая презрительно пожала плечами и зло сплюнула за борт. – Что она может? Пойти на охоту, приготовить еду? Да она даже сына не сможет родить, только и умеет смеяться, как глупая птица с яркими перьями.

Я удивленно смотрел на разгневанную жену, впервые Миа позволила себе говорить в таком тоне. Бер усиленно смотрел в воду, делая вид, что ничего не слышит. Санчо всё пофиг, он не чувствовал угрозы, а трескотня Мии его беспокоила не больше, чем прошлогодний снег. Я испытывал сложные чувства: Миа и Нел начали вести себя как жены-эгоистки, кроме того, их вольнодумие может послужить дурным примером для остальных.

– В следующий раз, Миа, если захочешь что-то сказать, хорошо подумай, потому что твои слова могут услышать посторонние люди, – рыжеволосая поняла, что сглупила, устроив сцену при свидетелях. И хотя по ее лицу читалось, что она убеждена в своей правоте, сделала так, как велела ситуация. Низко склонив голову, Миа отчетливо, чтобы слышали все поблизости, попросила простить ее за неразумные слова глупой женщины. Я великодушно простил, и начинавшийся разгораться семейный конфликт угас, но осадок остался: мне следовало учитывать, что мои женщины уже не те дикарки, встреченные мною когда-то. Находясь рядом со мной, они быстро перенимали привычки современного человека, особенно в части, касающейся взаимоотношений в семье.

Самое интересное, если я правильно понял обиду Мии, ее и Нел задевал не мой интерес к Алолихеп и желание взять ее в жены, а трепетное отношение к девушке, чего я не демонстрировал в отношениях с ними.

Виновница скандала появилась вместе с братом, перебравшись с носа на корму, где я задумчиво осмысливал свой разговор с женой.

– Макс Са, я хочу, есть, – подбирая слова, но с оттенком кокетства в голосе заявила Алолихеп, глядя сияющими глазами.

– Хочешь, есть? – переспросил я, девушка с готовностью кивнула.

– В трюме есть рыба и сушеное мясо, возьми и поешь, отныне для тебя самообслуживание, – холодно отчеканил я, глядя как погасли глаза девушки от моего грубого ответа. Правда, вспыхнула и засияла Миа, до невозможности довольная моими словами.

– Макс Са, я хочу с тобой есть, – почти промямлила Алолихеп, делая попытку растопить мое сердце.

– Отлично, спустись в трюм, выбери еду, приготовь и принеси мне, – теперь девушка чуть не заплакала от моей холодности. А ведь Миа права, ношусь с ней как с писаной торбой, еду ей готовят, ничего сама не делает, возомнила себя принцессой.

Алолихеп стояла и хлопала глазами, словно не веря своим ушам. Два месяца ее носили на руках: вначале, потому что ослабла от обезвоживания, потом, потому что не знала языка, еще какое-то время спустя, потому что она не умела ничего делать. К ней привыкли, как к предмету мебели. Однако девушка не торопилась выполнить мое поручение, и это следовало учесть.

– Алолихеп, что я тебе сказал? Быстро в трюм и приготовь мне еды! – На мгновение глаза девушки сверкнули, но вовремя положенная на плечо рука брата, привела ее в чувство.

– Конечно, Макс Са, – девушка повернулась и направилась к трюму.

Проследив за ней взглядом, я обернулся к Келадонхепу:

– Садись вместо гребца, нахлебников здесь нет, – в отличие от сестры, парню не пришлось повторять. Крайний кормовой гребец уступил ему место, стоял полный штиль, и «Варяг» уже полчаса шел на веслах. Келадонхеп старался, даже очень, но тяжелое весло отказывалось ему повиноваться. На парне моментально промокла туника от пота, вены на руках вздулись от непривычной и тяжелой нагрузки.

Тиландер молча наблюдал, как я размазываю по стенке брата и сестру, но даже в его молчании сквозило одобрение. Оно же прямо-таки написано на лицах остальных, видимо только я один не замечал, влюбившись в Алолихеп, что их безделье всем порядком надоело. Будь она в статусе моей жены, у русов не мелькнуло бы даже намек на осуждение.

Вернувшись, Алолихеп чуть не выронила из рук медный поднос, на котором лежало нарезанное мясо и рыба с лепешками, что приготовила Нел в дорогу. Ее руки мелко задрожали, борясь с тяжелым подносом, брат бросил на нее ободряющий взгляд, и девушка справилась с собой, поставила поднос передо мной прямо на палубу полуюта и застыла, пока я собирался приступить к трапезе.

– Спасибо, Алолихеп. Можешь идти, есть будешь вместе с братом и гребцами, сегодня ты заслужила, – я приступил к трапезе, краем глаза наблюдая, как посеревшая девушка медленно отходит от меня. Но добило ее не это, а моя следующая фраза: – Миа, садись откушай со своим мужем. – Тиландер, Бер и Санчо, также получили приглашение разделить со мной поздний завтрак. На такую ораву еды маловато, но, как говорится, дорог не подарок, а внимание.

Дальнейшее плавание проходило без приключений, ночью мы встали на якорь, чтобы дать отдых гребцам. С утра задул попутный ветер, и ближе к обеду показался гористый берег.

– Кипр, адмирал, – по-военному доложил Тиландер, разглядывая землю на горизонте.

– Отлично, капитан, выбирайте место высадки, пора нам начинать расширять свои владения, – я поискал глазами египтян, обнаружив их у мачты. Стоило мне вчера один раз выказать легкое недовольство, как их авторитет рухнул ниже уровня ватерлинии. Теперь либо я узнаю всю правду о них, либо им придется начинать жить, поднимаясь с самого дна.

Глава 7. КипРус

Огромный безымянный залив, куда мы сейчас входим на двух кораблях (в моем старом мире располагался город Лимасол), формой напоминал подкову. Расстояние между двумя мысами, что выдавались в море, по атласу равнялось двадцати пяти километрам. Тиландер направил «Варяг» к мысу по левому борту, где береговая линия образовывала несколько мелких бухт, отгороженных от залива длинной песчано-каменистой косой. На расстоянии километра от первой косы, почти навстречу ей тянулась вторая коса, но уже с севера на юго-восток. Эти две косы не доходили друг до друга несколько сотен метров, образуя великолепную внутреннюю гавань.

Мы на веслах миновали проход между косами и очутились внутри: эта внутренняя гавань позволяла свободно разместить еще десяток кораблей, а если установить баллисты на оконечностях обеих природных песчаных волнорезов, ни одно судно не попадет в наш порт-поселение. Пожалуй, это место по расположению даже удачнее Плажа. В глубине острова виднелись покрытые лесом горы, на нескольких пиках, белели ледяные шапки. Полоска песчаного пляжа здесь была шире и доходила до двадцати-двадцати пяти метров, за ней сочным зеленым ковром росла трава. Лес, преимущественно состоящий из кедров, насколько я мог судить с такого расстояния, начинался в паре сотне метров от береговой линии.

Тиландер остановил «Варяг» в пяти метрах от берега: вода здесь чистая, пологое дно просматривалось в мельчайших деталях. Адмиралу и властителю земель всегда следует первым ступить на берега новых владений. По пояс в воде побрел к берегу, сопровождаемый неизменным Бером и Санчо. С кустов у берега взметнулась в воздух стайка оранжево-красных птичек, парочка довольно крупных зайцев лениво грызли какие-то растения, абсолютно не боясь нашего приближения.

Так, наверное, чувствовал себя Колумб, высаживаясь на первом острове у берегов Америки: в груди неистово колотилось сердце, а очертания окружающего мира расплывалось из-за слез счастья.

– Здесь зожим новое поселение, которое назовем... – я замолчал, лихорадочно перебирая варианты, но всё всплывали в памяти названия из старого мира, а именно это место требовало своей, особой идентификации, в то же время хотелось не забывать, кто я и откуда.

– Мы назовем его Кипрус! – я даже улыбнулся от удачного названия, и практически следом пришло озарение: все новые поселения в этом мире называть с окончанием «рус». Так сами Русы будут иметь постоянное напоминание о том, кто они. Названия поселений и через века напомнят об идентичности народа, его заложивших. И даже если создаваемая мной цивилизация исчезнет, названия останутся, как осталось имена Трои, Атлантиды, Гипербореи. Пусть они и овеяны мифами, но люди помнят их, значит, будут помнить и те, что дам я в этом мире.

– Герман, выгружайтесь, – прокричал на корабль, сопровождая слова жестами. Один за другим будущие жители Кипруса покидали корабль и брели к берегу. Мычащих от голода животных пришлось оставить, пока не сделаем временный пирс. Отдавая четкие команды, американец сразу приступил к постройке пирса для выгрузки животных и грузов и закончили его уже через два часа, с большим трудом вывели животных, которые почувствовав твердую почву под ногами, рванули по берегу. Пробежав около ста метров к северу, буйволы, а вслед за ними и козы остановились. Даже с моего места видно, что животные жадно пьют воду. Напившись, скотина начала неторопливо пастись, разбредаясь по береговой зоне.

– Герман, начнем с загона для скота, ему отсюда не убежать, но не хочу, чтобы они дичали, – американец кивнул, и, вытерев пот с лица, приказал группе лесорубов рубить молодые деревья для загона. Людей на берегу становилось больше и больше. Последним на берег

сошел капитан «Акулы» Каа, оставив на кораблях по дежурному гребцу. Парень неплохо говорил на русском, периодически вставляя слова из родного языка.

– Каа, бери людей, и стройте загон для скота. Герман займется планировкой улиц. – Насчет американца у меня имелись свои планы, без него мне одному не справиться с планировкой. Первую линию хижин решили строить в ста метрах от береговой линии, чтобы сделать их недосягаемыми для волн. За первой линией расположится вторая, после которой раскинется большая площадь с моей резиденцией на торце. Еще две линии хижин, расположатся после дворца, прикрывая меня с глубины острова.

По плану получалось сорок хижин и непосредственно резиденция. Чуть поодаль расположатся хозяйственные постройки и скотный двор. Пока американец сосредоточенно всматривался в план городка, решил проверить место, где пили животные: небольшой ручей шириной около метра и вдвое меньше в глубину, вода чистая и довольно холодная. Подумав, загон и хозяйственные постройки решил расположить после ручья, вынеся их метров на триста, чтобы неприятные запахи не попадали в город.

Практически все прибывшие были заняты делом: стучали топоры, уже слышался визг пилы, вгрызавшейся в древесину.

– Санчо, Бер, пройдемся вдоль берега, присмотрим место для артели рыбаков. – Мы двинулись в северо-восточном направлении и миновали вторую косу, образовывавшую эту гавань. Примерно в восьмистах метрах от нее береговая линия была сильно изрезана, образуя несколько небольших бухточек: идеальное место для рыбацкой дереvушки или артели. Здесь можно поставить несколько хижин для рыбаков, организовать место для вяления рыбы.

На всем протяжении береговой линии лес рос примерно в двухстах метрах от пляжа, но впереди виднелась ровная часть ландшафта, где лес отступал вглубь острова, образуя обширный участок, покрытый травой и редкими кустарниками. Идеальное место для сельскохозяйственных культур, – сделал себе зарубку в памяти. Решил вернуться обратно, потому что не хотелось надолго оставлять людей без присмотра. На этом острове нет хищников и людей, но никто не говорил, что нет других опасностей вроде ядовитых змей или природных ловушек.

Вернувшись к работающим, отобрал тех, кто собирался зарабатывать на жизнь рыбным промыслом. Объяснив им необходимость расположения рыбной артели подальше от основного города, в сопровождении Бера отправил к месту их будущей дереvушки. Пусть обустраиваются и принимаются за работу, тем более что сеть для них взяли, а за «Акулой» на буксире шла небольшая рыбацкая лодка. Рыбаков набралось восемь семей, что на первое время должно хватить для обеспечения Кипруса рыбой. Со второй волной придут еще несколько семей, и вопрос снабжения рыбой закроется окончательно.

Еще в Плаже, обдумывая колонизацию Кипра, решил основной упор в продовольственном снабжении делать на морепродукты и растительную пищу. Леса острова требуют исследования, надеюсь найти здесь съедобные растения, а если повезет, то и фруктовые деревья. На острове много коз, но бесконтрольная охота может быстро уменьшить их поголовье, поэтому охоту на Кипре следует строго регламентировать. Если поймать местных коз и скрестить с привезенными, возможно улучшение качеств породы. Кроме того, всегда выгоднее держать прирученных животных, чье мясо вкуснее и нежнее.

Работа продвигалась споро, бойко стучали топоры, и остовы первых хижин уже стояли по прямой линии, обозначая контур будущей улицы. Женщины распаковывали привезенные шкуры и уже принялись перекрывать первую из готовых хижин. Среди работающих заметил Алолихеп, которая бестолково пыталась помочь, но на нее шипели и ругались, потому что она больше мешала своими неуклюжими движениями. На мгновение мне стало жаль девушку, особенно когда ее молящий взгляд встретился с моим, но полученного урока мало, и я, равнодушно глянув на нее, перенес внимание на рабочих. Ближе к вечеру, когда солнце садилось

за горизонт, наши животные сами вернулись к горящим кострам, где готовилась пища из привезенных припасов.

Первый десяток хижин уже готов, но я решил провести ночь под открытым небом на буйволово́й шкуре. Рядом пристроилась молчаливая Миа, работавшая сегодня наравне с женщинами. Чуть поодаль с двух сторон расположились Бер и Санчо, выполняя свою работу.

Прошло семь дней, прежде чем Кипрус приобрел какое-то подобие цивилизованного поселения. Уже третий день мы трудились над моей резиденцией. Я не стал изобретать велосипед и решил построить дом, аналогичный тому, где жил в Плаже. Высота сруба семь на двенадцать метров уже поднялась на человеческий рост, еще три ряда бревен и можно приступать к крыше.

Келадонхеп активно старался помогать, в отличие от сестры, парень не бросал жалостливых взглядов, а с рвением принимался за указанную работу. При виде того рвения, что он проявлял, мое мнение о нем стало меняться в лучшую сторону. Падающий кедр едва не зацепил его толстыми ветвями, у нескольких женщин вырвался крик ужаса, когда парень оказался погребенным под зеленым покровом. Но, к общему удивлению, он выбрался из-под ветвей упавшего дерева живой и невредимый. Алолихеп, бросив шкуру, что держала в руках, стремительно подбежала к брату, яростно ему выговаривая. До меня долетали обрывки фраз на незнакомом языке, по интонации брату сильно доставалось от сестры.

Это выглядело довольно странно, помимо женщин племен Нига я еще не встречал ситуации, где женщина на равных говорила с мужчинами, а тем более ругала. Келадонхеп оправдывался и, похоже, ему удалось успокоить сестру, которая царственной походкой проплыла мимо, с осанкой, словно проглотила жердь. С того момента, как узнал от них о многочисленном племени Амонахес, живущем на противоположном берегу моря, горел желанием отправиться на разведку. Переезд на Кипр и основание Кипруса отсрочили ее, кроме того, я надеялся, что спасенные египтяне смогут дать больше информации. Если их племя действительно такое многочисленное, что превосходит население Плажа в несколько раз, и у них имеются луки, то и воинов у них должно быть немало. В каменном веке практически каждый мужчина, начиная с четырнадцатилетнего возраста – это воин. Беру от силы шестнадцать, а он ловкостью и умением обращаться с оружием превосходит практически всех. Если бы пришлось сражаться Беру и Санчо, то несмотря на колоссальную силу неандертальца, я бы поставил на победу Бера.

Прошло еще пять дней пребывания в Кипрусе: крышу резиденции закончили вчера, покрыв ее тремя слоями пальмовых листьев. Пальмы на Кипре обнаружили, но не финиковые, мне такие раньше не встречались: огромные двухметровые листья шириной с полметра веером расходились с середины ствола, образуя несколько ярусов. Окна и двери дворца пока смотрели пустыми проемами и глазницами окон. Я несколько раз ходил на разведку, но глины, чтобы сложить печь внутри резиденции, так и не обнаружил.

Лес нами пока недостаточно обследован, сегодня мы впервые углубились так далеко и наткнулись на высокие растения, очень похожие на бамбук. При виде растения, которое я срубил катаной и раскроил вдоль, появилась идея, увиденная в ютубе на канале «примитивные технологии». Там парень из похожего растения подвел воду из ручья прямо к своей хижине.

– Герман, используем эти растения, чтобы по ним текла вода прямо к центру Кипруса, – приставил две разрезанные вдоль оси половинки ствола, продемонстрировав американцу принцип действия.

– Отличная идея, я б до такого не додумался, – Тиландер выглядел слегка обескураженным.

– Ты придумал куда больше полезных изобретений, так что давай рубить растения, чтобы оттащить их к хижинам.

– Мы принялись за работу и уже через полчаса всей командой тащили длинные легкие полые стволы в сторону городка. Расколоть полые стволы нужно было аккуратно, чтобы полу-

чались одинаковые получаши. Почти целый день ушел, чтобы провести «водопровод» на сто сорок метров. Теперь часть ручья по-прежнему бежала по старому руслу, а часть воды, уходя вправо от старого русла, подбиралась почти вплотную к городку.

– Герман, такой же водоотвод следует сделать в сторону скотного двора, чтобы животные пили не из ручья, а из небольшого прудика, куда мы доведем воду.

– Завтра с утра начнем, – американец тяжело опустился рядом.

– Нет, утром мы возвращаемся в Плаж, чтобы привезти еще пару животных и колонистов. Желательно подготовить поля под ячмень и чечевицу, привезем еще сотню человек, покажем, где и как ставить хижины, а сами начнем готовиться к дальнему походу.

– На Бермуды? – Тиландер не смог скрыть своего изумления, – я думал, вы отказались от этой идеи, сочтя ее невыполнимой.

– Нет, не Бермуды, – усмехнулся, глядя на американца, – все не терпится домой?

– Знаете, сэр, я все больше привыкаю к этому месту, дома все меня считают погибшим, да и неизвестно, в какое время мы попадем, если это вообще возможно. Здесь у меня семья, а дома для моих родных, это будет презренная цветная, и довольно трудно будет объяснить властям, где я пропадал все это время. Нет, сэр, желание остаться здесь у меня больше, чем рисковать переходом через Атлантику, – закончил необычайно длинный монолог американец.

– Герман, кто такие американцы? – такого вопроса он не ожидал и даже немного опешил.

– Граждане Соединённых Штатов Америки, – с неуверенностью в голосе ответил мне Тиландер.

– Это понятно, а кто они по национальности?

– Американцы.

– Нет такой нации в истории Земли, – возразил я американцу, – вы, американцы, потомки мигрантов самых разных национальностей, которые с семнадцатого века пересекли Атлантический океан. Вы роднились между собой, с индейцами, с черными. И вот именно так появилась американская нация, как сплав народов и рас. – Видя, что Тиландер хочет возразить, продолжил:

– Но в современном мире, вы нация, дающая много ученых и изобретателей, имеющая вес в глобальной политике, занимающая большие территории. И все это благодаря тому, что вначале осваивать Америку ринулись пройдохи и висельники, которые и заложили стержень. Второй волной миграции в Америку потянулись лучшие умы со всего мира, составившие уже интеллектуальный потенциал. Знаешь, почему я тебе это все рассказываю, – спросил у озадаченного собеседника.

– Нет, но надеюсь, вы поясните.

– То, что получилось сделать с США на половине одного континента, в этом мире можно попробовать сделать со всей планетой. Конечно, при своей жизни мы этого не успеем, и даже наши дети, и внуки не успеют. Но если мы создадим костяк умных, волевых людей, которые пронесут наши принципы и идеи через века, то спустя несколько сотен, может, даже пару тысяч лет, вся планета будет говорить на одном языке. И уровень развития людей будет примерно одинаковый, что в Европе, что в Африке.

– Сэр, это невозможно, нас всего трое белых из современного мира, разве такое под силу нескольким людям?

– Помнишь тех двоих, что мы спасли в тростниковой лодке?

– Да, сэр, – последовал лаконичный ответ.

– Так вот, хоть убей, но у меня есть смутные, но стойкие подозрения, что в их племени или живет, или ранее жил человек или даже несколько из нашего мира. И я подозреваю, что именно они смогли дать технологические новшества этому племени, потому что у них есть одежда из ткани, окрашенная стойкими красками, и луки. Кроме того, наши стальные мечи не вызвали у них удивления, чего не скажешь о кирасе.

– А почему вас это удивило? – Тиландер даже подался вперед.

– Потому, Герман, что в истории цивилизации сразу за возникновением нового оружия убийства, всегда изобретали защиту от него. Как только изобрели меч, изобрели металлические пластины, которые в дальнейшем стали кольчугами, панцирями, латами. А в племени Амонахес орудия убийства есть, но о защите никто и не слышал. Египтяне были поражены нашими кирасами. И о чем это, по-твоему, говорит, Герман?

– Не знаю, – пожал плечами американец и спросил, – так о чем

– О том, что тот, кто принес или изобрел все эти новшества в виде лука и оружия из железа, знает, что в это время у других племен нет железного оружия и о защите можно не беспокоиться. То есть, это человек из более продвинутых временных реалий, который сумел понять, что находится не на своей планете.

– Это может быть кто-то из нашего звена торпедоносцев, – американец вскочил и уставился взглядом в сторону юга.

– Не думаю, Герман. Я полагаю, что этот человек, скорее, из моего времени, нежели из середины двадцатого века, потому что только в конце двадцатого века появилась теория, что параллельных Вселенных может быть бесконечное множество.

– И вы хотите навестить это племя? Мы поплывем туда?

– Да, но прежде я надеюсь получить больше информации от наших гостей, потому что они что-то скрывают. И у меня есть основания полагать, что на родине им угрожает опасность, вот почему мы нашли их так далеко от дома, в открытом море. Завтра мы уйдем обратно в Плаж, чтобы вернуться через неделю. К этому времени египтяне созреют, чтобы открыться и попросить о помощи, потому что в наше отсутствие к ним будут придирааться и постоянно задевать, лишая возможности спать и нормально есть. Осталось только определить человека, которому можно поручить такое деликатное дело.

– У меня есть один на примете, – Тиландер смотрел восхищенно, – вашему уму позавидовал бы сам Вашингтон, сэр. В устах американца это прозвучало немного наивно, но сравнение с Вашингтоном мне понравилось. На лезть все падки, даже в каменном веке.

Глава 8. Келадонхеп

Прошло три месяца с момента закладки первой хижины в Кипрусе. Вторым рейсом мы привезли еще колонистов и немного животных, кроме верблюдов. На Кипре не требуются такие крупные животные, предназначенные для длительных маршрутов. На скотном дворе Кипруса к буйволам и козам добавились свиньи и овцы. Вся эта разномастная орда животных содержалась на свободном выпасе, лишь к вечеру возвращаясь в загон.

Рыбаки не могли нарадоваться на изобилие морепродуктов на новом месте: проблема питания на какой-то момент перестала волновать население колонии. С переездом части людей на остров существенно облегчилось снабжение едой и в Плаже. Всего на Кипр переехало двести двадцать человек, если считать членов моей семьи, которых я перевез сюда до поздней осени. Требовалось назначить людей, что управляли бы поселениями во время моего отсутствия.

С Плажем проблемы нет: здесь руководство поделено сразу между тремя: Хад, Раг и Лар занимались каждый своим делом. Лар охранял границы и муштровал воинов. Хад отвечал за заготовку съестных припасов и их распределения между занятыми на работах. На долю Рага выпала роль координатора и судьи, когда возникали недопонимания в поселении.

На Кипрусе я не знал, кого сделать старшим в поселении. Нел и Миа не подходили, потому что они периодически будут переезжать с одного поселения в другое. Бар не вызывал у меня доверия настолько, чтобы поручить ему управление новой колонией, ведь кроме городка следовало еще приглядывать за всем островом. Он так и остался в Форте с новой женщиной, стараясь меньше попадаться мне на глаза.

После долгих раздумий решил поставить управляющим Зика, несмотря на его молодой возраст. Правда это означало, что мой доморощенный лекарь оставит Плаж без медицинской помощи. Выбор пал на Зика еще и потому, что флора острова гораздо богаче, чем в окрестностях Плажа, и я надеялся, что парень найдет еще лекарственные растения. Надо бы подобрать толкового парнишку, которого Зик сможет натаскать первое время, чтобы потом я продолжил его обучение. Нел порекомендовала мальчика тринадцати лет по имени Дир, на ее уроках выделявшегося среди сверстников умом и желанием учиться.

Сам я планировал больше находиться в Плаже и взять с собой Нел, потому что Миа вместе со своими воительницами больше понравился Кипрус. Кроме рыжеволосых на острове воинов не было. При необходимости, каждый мужчина становился воином, так времена такие. Кроме того, все население мужского пола уже три года проходило военные сборы. Посчитав, что всеобщую воинскую повинность можно отменить, после недолгих раздумий, перевел свою армию в профессиональную. На постоянной основе службу несли шестьдесят облаченных в кирасы копейщиков, вооруженных длинными копьями с металлическими или бронзовым наконечником и обоюдоострыми топорами с металлическим шипом длиной в десять сантиметров на обухе.

Другой отряд состоял из тридцати лучников, отобранных по результатам стрельбы, и отряд кавалерии на верблюдах. Лучники и кавалерия кроме луков, на вооружении имели одноручные мечи с длинным узким лезвием. Этот своеобразный меч явился компромиссом после долгих обсуждений: оружие должно быть достаточно легким и твердым. Обученных слушаться команд верблюдов всего двадцать, еще около десятка пока не достигли взрослого возраста. Также есть четыре беременные самки, которых я щадил, не давая использовать.

При необходимости я мог выставить больше двухсот воинов, но кто-то должен еще охранять границы. И охоту с рыбной ловлей также нельзя отменить. Итого, постоянно готовых к сражению, у меня только сто десять человек, не считая двадцати спецназовцев Бера. И все эти сто тридцать человек, не считая их командиров, практически ежедневно совершенствовали

свое умение. Лучниками по-прежнему командовал Гау, которому поручил тренировать и всадников, чтобы те могли стрелять на скаку, как это делали скифы или монголы.

Возвращаясь в Кипрус со второй партией колонистов, поручил Гау подготовить солидный запас стрел для предстоящей компании. Беру пришлось остаться в Плаже, потому что спецназу поставил особую задачу: научиться штурмовать здания типа моего дворца. Задача сильно удивила Бера, но со слов Келадонхепа и его сестры, у них имелись здания в несколько этажей. Вначале они проговорились, потом долго пытались убедить в том, что мне послышалось. Это загадочное племя Амонахес меня интересовало все больше и больше. Бер, боясь отпустить меня, согласился остаться в Плаже только после прямого приказа. Мне пришлось долго объяснять ему, что предполагаемый штурм должен быть бесшумным, диверсионного плана. Пока определенны план я еще не выработал, но и вступать с многототенной армией лучников в открытый бой точно нет никакого желания. Если обезглавить руководство, армия сама перейдет на сторону победителя. Так, по крайней мере, мне казалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.